ЭЛИЗАБЕТ ТОРНТОН
Игра или страсть?
ШАРМ

Трилогия

Элизабет Торнтон

Игра или страсть?

2006

Торнтон Э.

Игра или страсть? / Э. Торнтон — 2006 — (Трилогия)

Почему блестящий политик Брэнд Гамильтон, известный своей незапятнанной репутацией, внезапно начал настойчиво ухаживать за слишком независимой женщиной? Почему светская львица леди Марион Дейн, остроумно высмеивающая притязания многочисленных поклонников, сочла за лучшее благосклонно отнестись к авансам Брэнда? Сэр Гамильтон и леди Дейн явно ведут между собой какую-то тонкую игру. Но сколько в этой игре лжи и хитрости – и сколько подлинной страсти и желания?..

© Торнтон Э., 2006

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 36
Глава 7 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Элизабет Торнтон
Игра или страсть?

Пролог

Лонгбери, октябрь 1815 года

Эдвина Ганн забежала домой, быстро повернула ключ и опустила щеколду. Сердце колотилось. В последнее время она задавала слишком много вопросов и совала нос куда не следовало. Единственное, чего она достигла, – разбудила спящего тигра.

– Возьми себя в руки, Эдвина, – строго приказала она себе. – Тебе шестьдесят лет. Если так будет продолжаться, тебя хватит удар. Ты не представляешь никакой угрозы! Ты ничего не можешь доказать. Через столько лет он наверняка чувствует себя в безопасности.

Когда дыхание пришло в норму, она подошла к окну и, стараясь остаться незамеченной, выглянула на улицу. Ее коттедж располагался рядом с поместьем, и за огородом виднелись только заросли тисовых деревьев, боярышника и дуба.

Эдвина расстегнула пальто и повесила его на крючок. Миссис Ладлоу, помощница по хозяйству, развела в камине огонь и ушла домой.

Завтра миссис Ладлоу не сможет попасть в дом, ведь дверь закрыта на щеколду. Ничего не поделаешь. Нужно будет встать пораньше и отпереть. В доме Эдвина одна, а ее ближайшие соседи – обитатели Прайори.

Эта последняя мысль напомнила ей, что нужно проверить, заперты ли передняя дверь и окна внизу. Она по привычке делала это каждый вечер. Как и большинство деревенских жителей, она запирала двери только на ночь. Теперь же станет запирать и днем.

– Глупая старуха, – бранила она себя, поднимаясь по лестнице и тяжело опираясь на перила.

Она решила, что перенесет свою спальню в пустующую комнату для прислуги рядом с кухней. Комната была маленькой, но удобной для того, кому тяжело взбираться по ступенькам. Эта мысль заставила Эдвину еще острее ощутить свой возраст.

Оказавшись в спальне, она закуталась в теплый халат, надела шерстяные тапочки и кочергой пошевелила поленья в камине. Наблюдая за языками пламени, она снова погрузилась в свои мысли.

Она думала о Ханне, которая в ее памяти всегда оставалась молодой, которая любила жизнь и не боялась жить так, как ей нравилось, которая стала причиной стольких переживаний. Двадцать лет назад она ушла из этого дома, поклявшись никогда не возвращаться, и с тех пор ее никто не видел.

«Где ты, Ханна? Что случилось с тобой тогда?»

Будь Эдвина помоложе и поздоровее, она бы поехала в Лондон и посоветовалась с Брэндом. Он для нее как сын, и лучше было бы поговорить с ним с глазу на глаз. Но здоровье не позволяло ей путешествовать, поэтому она сделала единственное, что могла сделать: послала письмо в контору Брэнда на Фрит-стрит, коротко пересказав все, что случилось. Прошло уже больше двух недель, но ответа не было. Ничего удивительного. Скорее всего Брэнд еще не получил ее письмо. Он занятой человек и много разъезжает. В конце концов письмо найдет его.

Было и еще одно письмо, которое она много раз начинала, но так и не послала человеку, который в два счета мог решить эту загадку: своей племяннице Марион. Вспомнив об этом письме, Эдвина села к секретеру и разложила письменные принадлежности. Обмакнув перо в чернила, помедлила. Нелегко писать это письмо. Она не видела Марион почти двадцать лет. Их переписка была нерегулярной, в основном из-за того, что они с сестрой Дианой, мате-

рью Марион, были в ссоре. Смерть Дианы три года назад, за которой почти сразу последовала смерть отца Марион, сблизила Эдвину с племянницей.

Раскаянием и сожалениями не восполнить всех потерянных лет. Эдвина сглотнула ком в горле. Как могли они с сестрой быть такими глупыми?

С Марион она этой ошибки не повторит. Вот только с чего начать? В конце концов, они почти не знают друг друга. Начни она сразу выдвигать необоснованные обвинения, Марион решит, что тетушка просто выжила из ума.

Она подумала, не пригласить ли Марион в Лонгбери, но потом отбросила эту мысль. Во-первых, Марион живет в добрых трех днях пути от Лонгбери, а во-вторых, у нее на попечении две младшие сестры, о которых она должна заботиться. Да и не хотела Эдвина втягивать Марион в опасную ситуацию.

Был бы здесь Брэнд, он бы дал ей дельный совет.

И все-таки племяннице надо написать. Попросить вспомнить тот ее единственный приезд в Лонгбери. Она должна знать, что произошло в ту ночь. Она была там. Кто-то видел ее. Возможно, воспоминания заперты в ее сознании и небольшой толчок даст им выход.

Эдвина начала писать. И тут скрипнула половица. Во рту пересохло, и Эдвина медленно встала. Снова услышав скрип, она прошла к камину и взяла в руки кочергу. В коридоре Эдвина остановилась. Единственным звуком был болезненный стук собственного сердца о ребра.

Осторожно пройдя к лестнице, она посмотрела вниз. Никого. Опустив кочергу, она повернулась было, чтобы вернуться в комнату, и увидела лицо нападавшего за долю секунды до того, как был нанесен первый удар.

«Это не он», – промелькнула последняя мысль, и темнота поглотила ее.

На следующее утро миссис Ладлоу пришла в коттедж мисс Ганн в обычное время. Она несла в свертке приличный кусок баранины, вполне достаточный, чтобы сварить большой котелок супа и потушить мясо. Возможно, немножко останется и для ее семьи. Мисс Ганн – щедрая душа.

Сняв пальто и повязав фартук, миссис Ладлоу развела огонь. Вскипятив чайник и закончив с приготовлениями, она поставила завтрак на поднос и вышла в холл. Но сделав несколько шагов, резко остановилась. Ее хозяйка лежала у нижних ступенек лестницы, невидящими глазами уставившись в потолок.

Через час в дом прибыл констебль. Он не сомневался, что пожилая женщина почувствовала себя плохо и упала с лестницы. Только одна странность несколько озадачила его: пальцы мисс Ганн оказались испачканы в чернилах, но никакого письма он не нашел.

Впрочем, на его взгляд, это была мелочь, о которой не стоило беспокоиться.

Глава 1

Лондон, май 1816 года

Это была, конечно, мелочь, по крайней мере тогда так казалось, но спустя годы Брэнд будет смеяться и говорить, что с того момента его жизнь необратимо изменилась. Это случилось в тот вечер, когда леди Марион Дейн ушибла ногу.

Брэнд пригласил ее с сестрой в свою театральную ложу. С Марион он был знаком недолго, всего лишь месяц, но знал о ней гораздо больше, чем она думала. Брэнд дружил с ее покойной тетей, Эдвиной Ганн, и время от времени Эдвина упоминала о семье сестры, которая жила близ Кесвика в Озерном крае. В течение последних недель он пытался узнать о леди Марион Дейн как можно больше.

Дочь графа, она никогда не проводила сезон в Лондоне, не была представлена ко двору и не присутствовала на светских раутах и пикниках, обычных для молодых женщин ее класса. Если бы не смерть ее отца, она бы по-прежнему тихо и спокойно жила в Озерном крае, и ему не было бы нужды присматривать за ней.

Несмотря на имеющиеся у него краткие сведения о ее прошлом, он не мог раскусить ее. Она была человеком крайне скрытным и редко показывала свои чувства. Но в театре, когда огни были притушены, она подумала, что никто на нее не смотрит, и дала волю своим эмоциям.

Они смотрели «Много шума из ничего», и по ее лицу он мог сказать, какие персонажи ей нравились, а какие – нет. Было куда интереснее наблюдать за лицом Марион, чем за происходящим на сцене.

Занавес опустился, аплодисменты стихли, и зрители начали подниматься. Леди Марион продолжала сидеть в кресле, словно не могла заставить себя уйти. Ее восемнадцатилетняя сестра, леди Эмили, напропалую кокетничающая со всеми подряд, строила глазки юному Генри Кавендишу; друг Брэнда Эш Денисон прикрывал рукой зевок. Для соблюдения приличий в таких случаях требовалась одна или две дуэньи, и побыть в этой роли сегодняшним вечером согласились бабушка Эша, вдовствующая графиня, и ее подруга леди Бетьюн. Вечер еще не окончился. Брэнд заказал поздний ужин в отеле «Кларендон», где к ним должны были присоединиться кузина Марион Фанни со своим мужем Реджи Райтом.

Все бурно выражали свой восторг по поводу спектакля, но Брэнду хотелось услышать, что скажет Марион. Когда он подошел к ее креслу, она подняла на него глаза, в которых все еще светились искорки веселья. Затем вздохнула и сказала:

– Спасибо, что пригласили нас, мистер Гамильтон. – Она говорила официальным тоном, и он нашел это слегка раздражающим. – В будущем, – продолжала она, – когда я стану думать об этом спектакле, то буду вспоминать актрису, которая играла Беатриче. Она поистине незабываема.

Она встала, светловолосая, изящная женщина с холодной улыбкой и таким же холодным взглядом. Какой-то демон дернул его за язык.

– В будущем, когда вы станете думать об этом спектакле, я надеюсь, вы будете вспоминать меня.

Промелькнувшее в ее серых глазах замешательство доставило ему огромное удовольствие. С самого первого момента их знакомства она относилась к нему с таким почтением, словно он был восьмидесятилетним старцем. Он не страдал чрезмерным тщеславием, но все же был мужчиной. Становилось все труднее устоять перед соблазном заставить ее признать это.

Овладев собой, она рассеянно улыбнулась и подошла к своей сестре. Тактика Марион не могла не восхитить его: она отвлекла внимание молодого Кавендиша на кого-то в другой ложе, взяла сестру под руку и решительно вывела девушку в двери. Маневр был проведен безупречно.

Эмили – хорошенькая, с огромными темными глазами, густыми шелковистыми кудрями и улыбкой, которая, по мнению Брэнда, была слишком завлекающей для таких нежных лет. За ней постоянно увивалась толпа молодых щеголей, соперничающих за ее внимание.

У Марион была еще одна сестра, Феба, десятилетняя девчушка, которая ужасно нравилась Брэнду. Несмотря на хромоту, она была бойкой и энергичной.

В мыслях он называл леди Дейн просто Марион. Если не поостережется, то однажды назовет ее так и на людях, и что тогда подумает холодная и выдержанная графская дочь?

– Из нее получается отличная дуэнья, не так ли? – вполголоса заметил Эш Денисон, друг Брэнда со школьных дней в Итоне. – Для полноты картины не хватает только кружевного чепца. Тогда всем мужчинам станет ясно, что она убежденная старая дева и лучше держаться от нее подальше.

Мысль о Марион в кружевном чепце испортила Брэнду настроение. Тем не менее он тоже видел, что этот день не за горами. Хотя сейчас ей только двадцать семь, она, похоже, примирилась с положением незамужней девицы. Нет, правильнее было бы сказать, что она была довольна таким положением. Все, что она хотела от мужчины и что позволяла, – это платоническая дружба.

Понимает ли она, что тем самым бросает вызов? Он прокрутил эту мысль в голове и улыбнулся.

– Осторожнее, Брэнд, – сказал Эш. – Ты опять улыбаешься. У тебя это скоро войдет в привычку.

Брэнд повернулся к другу и состроил кислую гримасу, наткнувшись на его изучающий взгляд. Никто, глядя на Эша, не поверил бы, что он много лет посвятил службе в королевской армии и участвовал в Испанской кампании. Брэнд знал, что то были непростые годы, но Эш всегда отзывался о них легкомысленно. Сейчас, когдадаойна закончилась, он, казалось, стремился насладиться всеми радостями жизни. Он был денди и душа общества.

У Брэнда же никогда не было ни терпения, ни желания стать душой общества. Он знал, как оно непостоянно. Как незаконнорожденный сын герцога, он в свое время сталкивался с предрассудками, но это было до того, как он приобрел ряд газет во всех крупных городах Юга Англии, включая Лондон. Теперь, когда он одним росчерком пера мог разжаловать любого высокопоставленного чиновника и обанкротить любого магната, его уважали, его дружбы искали.

Он знал, люди говорят, что им движет желание проявить себя, доказать, на что он способен. Это была правда. Но он никогда не забывал друзей и тех, кто делал ему добро тогда, когда ему нечего было предложить взамен. Эдвина Ганн была одной из них. Именно для того, чтобы оплатить свой долг перед ней, он и взял Марион и ее сестер под свое крыло.

Эш ждал ответа.

– Вид красивой женщины всегда вызывает у меня улыбку.

– Я полагаю, мы говорим о леди Марион Дейн? Ты весь вечер не сводил с нее глаз.

Это дружеское поддразнивание было встречено молчанием.

– А разве она красива? – подначил Эш.

– Не в общепринятом смысле, но в ней есть шик.

– М-м… – задумчиво протянул Эш. – Если бы она позволила мне заняться ее внешностью, я мог бы сделать из нее первую красавицу. Начал бы с того, что укоротил волосы. Нам бы пришлось, разумеется, углубить вырезы ее платьев и приподнять подолы. Думаю, лучше всего она бы смотрелась в прозрачном газе. А ты как думаешь?

Эш был известным знатоком моды, и многие высокородные дамы искали его советов. На взгляд Брэнда, обретенный ими шик не всегда был улучшением.

– Ну ты же знаешь, что говорят. – Брэнд двинулся к выходу.

– А что говорят?

На театральной лестнице столпились люди, и Брэнд ощутил мимолетное беспокойство, отыскивая глазами Марион. Он расслабился, когда заметил светлые волосы леди Дейн, отливающие золотом в свете канделябров. Темная шапка кудрей Эмили мерцала, словно шелк. Затем он снова потерял их в толпе.

– Так что говорят? – повторил Эш.

– Что полезно одному…

Конец предложения повис в воздухе. Пронзительно закричала какая-то женщина. В толпе раздались испуганные возгласы. В ту же секунду Брэнд ринулся к лестнице.

Он отталкивал с дороги людей, сбегая вниз по мраморным ступеням. Марион сидела внизу, на полу, положив голову на колени. Эмили была с ней.

– Отойдите назад! – рявкнул он на обступивших ее людей. Они беспрекословно подчинились.

Он опустился на колени и дотронулся до ее плеча дрожащей рукой.

– Марион? Что случилось? Скажите что-нибудь!

Она подняла голову и посмотрела на него глазами, полными слез боли.

– Я споткнулась, – сердито проговорила она. – Не из-за чего поднимать шум.

И потеряла сознание.

* * *

Марион выплыла из окутывавшего ее тумана.

– Кто-то толкнул меня локтем в спину, – жалобно сказала она.

Мужской голос спросил:

– Кто же хотел причинить вам вред, Марион?

– Дэвид.

От одного этого имени ее голова прояснилась. Она подняла ресницы и заморгала, прогоняя пелену с глаз. Прямо перед ней было встревоженное лицо Эмили. Затем она отметила присутствие Гамильтона и, наконец, болезненную пульсацию в пальцах ноги.

Она с трудом села. Карета Гамильтона сворачивала на улицу, выходящую на Ганновер-сквер, к дому кузины Фанни.

– Вы везете меня домой? Гамильтон кивнул.

– Помимо всего прочего, вы сильно ударились головой. Когда приедем домой, я пошлю за доктором. Я уже отправил записку вашим кузенам в «Кларендон».

– В этом нет необходимости. Это только понапрасну обеспокоит Фанни и Реджи. Я всего лишь ушибла пальцы на ноге.

– Вы сказали, вас толкнул Дэвид. Она ощутила тревожный укол.

– Ничего такого я не говорила. – Затем с находчивостью, которая удивила ее саму, добавила: – А кто такой Дэвид?

Когда Гамильтон взглянул на Эмили, та покачала головой. К огромному облегчению Марион, тема Дэвида была закрыта, но Гамильтон еще не закончил расспросы.

– Вы хорошо рассмотрели человека, который толкнул вас?

– Нет. Все произошло слишком быстро. И меня не толкнули, а ткнули локтем. – Пальцы болели ужасно, поэтому у нее вышла лишь слабая улыбка. – Это все Лондон. Опасность на каждом шагу. Люди постоянно куда-то спешат. Все время приходится уклоняться от толпящихся торговцев или карет, несущихся неизвестно куда. И в театре не лучше. А пожилые лtди – это просто напасть. Бабушка лорда Денисона машет тростью так, словно погоняет коров.

Ее попытка пошутить вызвала усмешку Эмили, но лицо мистера Гамильтона оставалось каменным.

– Тут ты права, – ответила сестра. – Я видела, как она размахивает тростью. Но насчет своего падения ты ошибаешься. Я не говорю, что тебя специально толкнули, но кто-то тяжело навалился на тебя. Марион, мы держались под руки, и тебя буквально вырвали у меня. К счастью, перед тобой оказался крупный мужчина. Он задержал твое падение.

– Я не помню. – И это было правдой. В данный момент все, чего ей хотелось, – это поскорее добраться домой и получить от домоправительницы Фанни один из ее волшебных порошков, способных притупить боль в пальцах. – Не могу понять, – сказала она, – почему так болят ушибленные пальцы.

– Радуйтесь, что не сломали себе шею. – Это был Гамильтон.

– Как бедная тетя Эдвина… – Это Эмили. Сообразив, что сказанное было не к месту, она поспешно продолжила: – Прошу прошения. Не следовало мне говорить об этом в такой момент.

В карете повисла тишина. Марион пыталась не показать, как подействовали на нее слова Эмили. Чувство вины тяжелым грузом лежало на душе. Она почти не знала свою тетю, которая оставила племянницам все: Тисовый коттедж в Лонгбери, все личное движимое имущество и незначительные сбережения. Все их общение заключалось в редкой переписке. Мать Марион с Эдвиной были сестрами, но они поссорились, когда Эдвина и младшая сестра Ханна приезжали в Озерный край, и так окончательно и не помирились.

Без оставленного тетей Эдвиной наследства Марион пришлось бы туго. Когда отец умер, титул и наследство перешли к кузену Морли, а она с сестрами переехала в оставленный им в качестве приданого дом. Вскоре, однако, кузен Морли завладел и им. Он понадобился ему для тещи, которая загостилась в Холле.

«Каждая из вас имеет ежегодную ренту с отцовского имения, – отметил он. – Этого должно быть достаточно».

Марион казалось неправильным, что чья-то беда обернулась спасением для ее маленькой семьи.

Гамильтон пошевелился:

– Итак, когда сезон закончится, вы уезжаете в Лонгбери, чтобы начать новую жизнь?

– Таков план, – ответила Марион.

– А чем плоха старая?

Марион не дала Эмили ответить. В присутствии Брэнда Гамильтона следовало быть осторожнее. Он газетчик и умеет заставить людей сказать больше, чем они хотят.

– Видите ли, – поспешно пояснила она, – старая жизнь закончилась со смертью отца. Кузену Морли достался наш дом. В общем… вы понимаете.

– Да, – сказал он, – но вы наверняка будете скучать по своим друзьям. Озерный край довольно большой. Вы могли бы продать коттедж Эдвины и поселиться в одной из живописных деревень близ Кесвика. Таким образом, могли бы не общаться с кузеном Морли и поддерживать отношения с друзьями.

– Лонгбери тоже по-своему красив, – ответила Марион, – и я уверена, мы заведем там новых друзей.

– О? Вы помните деревню? Окрестные леса и холмы? Они уже говорили об этом раньше, и его настойчивые попытки оживить ее память озадачивали Марион.

– Разумеется, помню, но только смутно. Я уже говорила, что была ребенком, когда мы с мамой приезжали в Лонгбери. – Марион полагала, что тот визит был безуспешной попыткой примирения между мамой и Эдвиной. – Но если нас что-то не устроит, если начнем скучать по Озерному краю, мы воспользуемся вашим советом.

– Марион, нет! – воскликнула Эмили. – Кесвик так далеко! Лонгбери ближе к Лондону. – Умерив пыл, чтобы не показаться слишком ветреной, она продолжила: – В Лондоне интереснее, ты сама говорила. Да и как же кузина Фанни? Мы же обещали приехать к ней на Рождество.

Марион тепло улыбнулась сестре. Восемнадцатилетней девушке можно простить стремление к блеску и роскоши городской жизни с ее бесконечными вечерами и балами, особенно если в последние несколько лет у нее было так мало развлечений из-за траура по родителям. Устоять перед приглашением кузины Фанни до переезда в Лонгбери провести сезон в Лондоне было невозможно. Ее сестры заслуживали того, чтобы с радостью смотреть в будущее.

Наверное, Гамильтон считает, что она портит Эмили, но ей было все равно, что он думает. Он не знает, какими тяжелыми были эти последние несколько лет, и она не хочет, чтобы знал. Во-первых, они не настолько хорошо знакомы, а во-вторых, люди, которые упиваются своими горестями, очень скоро оказываются без друзей. Ее сестры снова научились улыбаться, и это главное.

Она заставила себя отвлечься от тупой боли в пальцах и найти убедительное объяснение желанию начать новую жизнь.

– Семья важна для нас, мистер Гамильтон, а кузина Фанни – единственная оставшаяся у нас родня. Мы хотим быть поближе друг к другу. Озерный край так далеко, что за последние десять лет мы виделись всего один раз.

Он понимающе кивнул, а спустя мгновение беззаботно заметил:

– Помню, Эдвина говорила то же самое. Вы были ее единственными родственниками, но путешествие в Озерный край казалось ей слишком тяжелым.

Услышав в его голосе укор, Марион искоса взглянула на Брэнда. В его глазах не отражалось ничего, кроме вежливого интереса.

Иногда она просто не знала, как понять этого человека. Он объявился на пороге дома Фанни на следующий день после их приезда в Лондон. Как оказалось, они с Реджи, мужем Фанни, были хорошими друзьями, посещали одни и те же клубы, оба интересовались политикой. Реджи был членом парламента от избирательного округа на севере Лондона и питал надежды убедить мистера Гамильтона выдвинуть свою кандидатуру на следующих дополнительных выборах. Мистер Гамильтон, говорил он, в свои тридцать три года уже так многого добился, причем совершенно самостоятельно. Фанни же была более откровенна. Мистер Гамильтон, говорила она, сын герцога, но незаконнорожденный. И она, и Реджи соглашались, что с его амбициями и влиянием он может далеко пойти в политике.

Было, однако, в визитах Гамильтона нечто большее, чем просто дружба с Реджи. Сам он говорил, что навещает сестру Дейн потому, что когда-то жил в Лонгбери и хорошо знал их тетю. Должно быть, он действительно хорошо ее знал, думала Марион, ибо никогда не называл тетушку мисс Ганн, а только по имени – Эдвина.

Как бы то ни было, он живо интересовался племянницами Эдвины и изо всех сил старался, чтобы они получили максимум удовольствия от своего светского сезона в Лондоне. Но тот факт, что он газетчик, нельзя было не принимать во внимание. В силу своей профессии он слишком любопытен, и это заставляло Марион быть осторожной.

Когда карета остановилась возле дома, Гамильтон вышел первым и протянул руки Марион:

– Я понесу вас.

Она хотела было воспротивиться, но не потому, что была жеманной, а оттого, что была крайне независимой и вполне могла сама о себе позаботиться. Потом она вспомнила, что упала в обморок, а он, должно быть, нес ее до кареты. Слишком поздно самоутверждаться.

– Марион, – сдержанно-терпеливо проговорил он, – вы же босиком. Нам пришлось снять с вас туфли, чтобы осмотреть пальцы.

– Туфли здесь, у меня, – сообщила Эмили.

– Вы хотите войти в дом в чулках?

Ее улыбка была слегка натянутой, но она любезно уступила. Он взял ее на руки, а Эмили побежала, чтобы позвонить в дверь. Гамильтон не сводил взгляда с двери, а Марион тайком

разглядывала его. Черты его лица были чересчур резкими, чтобы называться классическими, но яркие голубые глаза порой смотрели так пристально, что это не давало ей покоя. Роскошные каштановые волосы доставали до воротника, а тонкий серебристый шрам, который пересекал одну бровь, придавал ему вид бесшабашности.

Этот шрам зачаровывал ее. Она знала, что он получил его, когда вызвал на дуэль прославленного французского фехтовальщика. Гамильтон был расчетливым дельцом; этим он вызывал у всех уважение и восхищение. Так почему же такой человек рисковал жизнью на дуэли?

– Надеюсь, вам нравится то, что вы видите.

Ее поймали за разглядыванием. При звуке его голоса она поспешно отвела глаза от шрама. Не растерявшись, холодно сказала:

– Вам повезло, что вы не потеряли глаз. Белые зубы блеснули в свете фонаря.

– Верно, но вы вовсе не об этом думали, Марион. Дворецкий открыл парадную дверь, и онемевшая Марион была избавлена от необходимости что-либо отвечать.

Глава 2

Брэнд Гамильтон слишком много на себя берет. Так думала Марион, оценивая расстояние между кроватью и туалетным столиком. На столике лежала ее дамская сумочка, с которой она была в театре. Она не помнила, чтобы роняла ее, хотя, должно быть, уронила, когда упала. Служанка принесла сумочку, когда приехал доктор. Происшествие в театре больше не казалось случайностью, и Марион не могла понять, почему раньше ничего не заподозрила.

Если бы ей позволили принять один из порошков миссис Дайс, она, возможно, смогла бы пересечь комнату. Фанни даже раздобыла для нее трость. Но мистер Гамильтон упомянул пугающее слово «сотрясение», и этого было достаточно, чтобы убедить доктора Мендеса. Сотрясение и опиаты несовместимы.

– Вы всего лишь ушибли пальцы ноги, леди. Опий вам ни к чему, – заявил жизнерадостный доктор Мендес. – К утру будете в полном порядке.

Марион долго думала о своем падении в театре, прокручивая в голове каждое движение. Не оставалось сомнений, что ее толкнули, причем, казалось бы, ненамеренно.

Однако она была уверена в обратном. Это не первая неприятность, постигшая ее. Всего неделю назад, когда она смотрела фейерверк в Воксхолл-Гарденз, кто-то выскочил из кустов, толкнул ее, отобрал ридикюль и убежал. Ридикюль был возвращен на следующий день в целости и сохранности. Джентльмен, возвративший его, не оставил своего имени.

А в этот раз?

У нее и в мыслях не было, что кто-то пытается убить ее. Неприятные инциденты были слишком незначительны для этого. Но кто-то пытается ее напугать, это точно. Надо добраться до сумочки, тогда станет ясно, права она или просто дала волю своему воображению.

Стиснув зубы, Марион откинула одеяло и спустила ноги с кровати. Сейчас она чувствовала боль от падения не только в пальцах – не давали покоя содранные коленки, ноющие мышцы поясницы и зарождающееся пульсирование в висках. Она потянулась за тростью, когда дверь спальни медленно отворилась. На пороге в нерешительности стояла Феба, но когда сестренка увидела Марион на ногах, ее маленькое личико осветила широкая улыбка.

– Я слышала, что ты упала с лестницы в театре, – сказала она.

– Я всего лишь ушибла пальцы. Совсем не больно, – беспечно отозвалась Марион. Феба боялась травм и несчастных случаев. Три года назад, когда ей было семь, она упала с лошади и сломала ногу. Кость срослась неправильно. В результате Феба осталась хромой. Марион старалась не суетиться вокруг сестры, потому что Феба терпеть не могла, когда с ней обращались как с инвалидом. Но порой, исподтишка наблюдая за сестренкой, Марион тревожилась из-за ее бледности и худобы.

Было поздно. Следовало бы мягко побранить девочку и отправить ее назад в спальню, но Марион забралась в постель и похлопала по матрацу, приглашая Фебу полежать с ней.

– Какая ты холодная, – сказала она, когда младшая сестра юркнула к ней под одеяло.

Марион с нежностью посмотрела на лицо, так похожее на ее собственное: серые глаза, упрямый подбородок, очень бледная кожа и льняные волосы. Они обе были в мать, а черноволосая и темноглазая Эмили пошла в отца. В десять лет нос и щеки Марион были усеяны веснушками. Феба же проводила слишком много времени в помещении, уткнувшись носом в книгу.

Марион надеялась, что это изменится, когда они станут жить в Лонгбери. Она устояла перед соблазном поцеловать и обнять сестру, чтобы хоть немного согреть ее холодные руки и ноги.

– Я знаю, почему ты замерзла, – сказала Марион. – Ты пришла не из постели. Ты опять подслушивала разговоры.

Одним из любимых занятий Фебы было прятаться за перилами галереи и наблюдать за приходом и уходом гостей Фанни.

– Я хотела узнать, что с тобой случилось, – запротестовала Феба, – а когда услышала, что мистер Гамильтон упомянул твое имя, остановилась послушать.

Марион открыла было рот, чтобы пожурить сестру, но потом передумала.

– Мистер Гамильтон упоминал мое имя? – невинно спросила она.

Феба кивнула.

– Он сказал, что ты, должно быть, сломала палец.

– Вот как? – Это объясняло, почему боль не проходит.

– Да, но доктор сказал, что они ничего не могут с этим сделать и что все постепенно заживет само собой.

– Ничего не могут сделать?! – пришла в негодование Марион. – Могли бы дать мне один из порошков миссис Дайс!

– Мне кажется, ты сказала, что совсем не больно? Марион сложила руки на груди. Феба мастерица ловить взрослых на невинной лжи.

– Было больно, – призналась она, – когда я приехала домой. Сейчас уже не так болит.

Феба посмотрела на Марион и тоже сложила руки на груди. Марион подавила улыбку. Желание ее младшей сестры во всем подражать ей было временной прихотью, во всяком случае, она надеялась, что это так. Идолы всегда оборачиваются разочарованием.

– Больше ничего… – она прочистила горло, – больше ничего обо мне не говорили?

– Напрямую нет, но я слышала, как кузина Фанни сказала, что было бы хорошо, если б мистер Гамильтон нашел себе жену.

Марион была потрясена.

– Фанни сказала это мистеру Гамильтону?

– Нет, конечно же. Кузену Реджи после того, как он сказал, что не удивится, если мистер Гамильтон в скором времени станет премьер-министром. Она имела в виду тебя, Марион?

Марион коротко рассмеялась:

– Едва ли. Кто внушил тебе эту мысль?

– А разве он тебе не нравится, Марион? Я знаю, ты ему нравишься. И разве было бы не здорово выйти замуж за премьер-министра? Я бы записала это в нашу семейную историю!

Вот что получается, подумала Марион, когда нарушаешь одно из своих основных правил. Каждый имеет право на собственную тайну. Она не лучше Фебы, но сестренку по крайней мере извиняет то, что она еще ребенок.

– Как продвигается семейная история?

Составление летописи семьи было последним увлечением Фебы. Ее мысли всегда занимало что-нибудь новое. Но Феба быстро уставала. Она была начитанной не по годам, шила, вязала, играла на пианино, делала наброски и вела дневник. Семейная история была идеей Эмили, и Марион неохотно согласилась, понимая, что запрет поднимет вопросы, на которые нет желания отвечать.

Феба широко зевнула.

– В письмах тети Эдвины почти ничего нет, да и писала она не часто, верно?

Марион не упоминала о ссоре между их матерью и тетей Эдвиной.

– Возможно, мама сохранила не все письма тети, а только самые интересные.

– Да, но мне это не помогает. Дедушка и бабушка Ганн переехали из Брайтона в Лонгбери после свадьбы, и там родились их дети, вот и все, что я знаю.

– Дедушка Ганн был партнером в местной адвокатской конторе. Это его коттедж унаследовала Эдвина, а теперь и мы.

– Это-то я знаю, – сказала Феба. – Я много знаю о маме и тете Эдвине, но почти ничего о Ханне.

– Ну, она умерла много лет назад, задолго до твоего рождения. – Марион на мгновение задумалась. – Но я помню, что она была ласкова со мной.

– Ты знала ее? Марион улыбнулась:

– Мне было семь лет, когда мы приезжали в Лонгбери, а Ханне, должно быть, около двадцати. Она была намного младше своих сестер. Она играла со мной, читала книжки и брала в дальние прогулки с собакой. – Марион нахмурилась. – Я и забыла про собаку. Скрафт – так звали этого песика. Он обожал Ханну.

– Ты никогда раньше не рассказывала мне этого, – укоризненно сказала Феба.

– Это было так давно. Больше я ничего не помню.

– А мама? Она никогда не говорила о Ханне. Она не любила ее?

Марион обняла Фебу за плечи:

– Она не говорила, потому что ей было больно и грустно вспоминать. Папа был таким же, помнишь, после маминой смерти?

Феба рассердилась:

– Я считаю, что это глупость! Если я умру, говорите обо мне постоянно. Я не хочу, чтобы кто-нибудь меня забыл.

– Обещаю, – торжественно поклялась Марион, – говорить о тебе столько, что все станут затыкать уши, едва увидев меня.

– Я не шучу!

– Я тоже. Ну хватит! – Марион вскинула руку, не дав Фебе продолжить. – Не знаю, что на меня нашло, почему я позволяю тебе бодрствовать в такое время. Не воображай, будто я не знаю, что ты специально отвлекаешь меня разговорами, чтобы я не прогнала тебя спать.

Она отвернула одеяло и указала на дверь.

– В кровать!

Феба с надеждой заглянула в лицо сестры, поняла, что игра окончена, и выбралась из постели.

– Ты не обнимешь меня перед сном? – спросила Марион.

Феба переступила с ноги на ногу.

– Конечно. Только никаких поцелуев. Я уже не маленькая.

Марион улыбнулась. Феба, быстро обняв сестру, захромала к двери.

– И не вздумай околачиваться на галерее, – крикнула ей вслед Марион.

Когда дверь закрылась, Марион опустилась на подушки. Умерла ли Ханна? По обрывкам случайно подслушанных родительских разговоров она подозревала, что Ханна сбежала с мужчиной. Если это правда, тогда понятно, почему родители не хотели поделиться с детьми этой тайной. Тайна принадлежит прошлому, и пусть она там и остается. Едва ли Фебе удастся докопаться до правды, но если даже и удастся, ничего страшного.

Мысли Марион вернулись к туалетному столику и сумочке. Вздохнув, она встала с кровати и осмотрела ушибленные пальцы. Опухоли, насколько она могла видеть, не было, но малейшее движение причиняло боль.

Она потянулась за тростью и с ее помощью доскакала на здоровой ноге до столика. В сумочке, рядом с носовым платком, она обнаружила записку: «Молчание – золото. Тебя предупредили».

Марион смяла записку в кулаке, подумав, что еще никто, наверное, так не ошибался в человеке, как она ошиблась в Дэвиде.

– В самом деле, Брэнд, я не знаю, как ты можешь так жить. – Эш Денисон нашел в буфете бутылку и плеснул в стакан бренди. – Ты же не нищий. Ты бы мог жить как король, если бы захотел. Зачем ютиться в этих ужасных комнатах в Сент-Джеймсе, когда мог бы премило устроиться в Олбани или на Бонд-стрит?

– Слишком фешенебельно, на мой вкус. – Брэнд оглядел скромно меблированную комнату. – Это соответствует моим целям, а непрошеных гостей здесь не бывает. Если кто-то желает найти меня, то может обратиться в контору на Фрит-стрит. Ты бы удивился, если б узнал, как много читателей хотели бы найти меня, чтобы плюнуть в лицо.

– А как же красота и изящество? – Эш расположился в кожаном кресле по другую сторону камина и с плохо скрываемым отвращением взглянул на стакан в своей руке: – Где хрустальные бокалы и графины? Где столовое серебро? Бархатные портьеры?

Слова Эша заставили Брэнда вспомнить Прайори, богатую резиденцию его отца, утопающую в роскоши и великолепии. Брэнд жил там одно время, но никогда не называл особняк-домом. Дом для него был там, где дед, мамин отец, растил его. А после дедушкиной смерти он и вовсе перестал задумываться о доме.

Брэнд глотнул бренди и сказал:

– Для счастья мне не нужны так называемые красивые вещи. Уютного огня в камине и мягких кресел мне вполне достаточно для комфорта. Не беспокойся, Эш, я не привожу сюда женщин.

– Женщин? – хохотнул Эш. – Каких женщин? Ты же не можешь выкроить для них времени, ты поглощен своими газетами. А теперь, когда ты надумал баллотироваться в парламент, свободного времени у тебя и вовсе не останется. А что же Джулия? Где она сейчас?

– Джулия, – равнодушно ответил Брэнд, – указала мне на дверь.

Эш поперхнулся глотком бренди и откашлялся, прочищая горло.

– Так вот оно что, – сказал он наконец. – Твой интерес к Джулии иссяк, и как истинный джентльмен ты позволил ей отвергнуть себя. Это, случаем, не имеет отношения к леди Марион, а? – Не обращая внимания на хмурый взгляд Брэнда, Эш весело продолжил: – Видел я твое лицо сегодня, когда леди Марион скатилась с лестницы. Я думал, это ты рухнешь в обморок, а не леди Марион.

– Не преувеличивай. Я был встревожен, вот и все. Но я рад, что ты поднял эту тему, ведь я пригласил тебя сюда, чтобы поговорить о Марион.

Брэнд помолчал, собираясь с мыслями, а Эш тем временем взял с буфета бутылку бренди, наполнил стакан Брэнда и стал терпеливо ждать, когда друг начнет.

В конце концов Брэнд сказал:

– Думаю, ты знаешь, как близки мы были с тетей Марион.

– Эдвиной Ганн? Я знаю, что до смерти дедушки она была твоей учительницей. И знаю, что ты поддерживал с ней связь все эти годы.

– Она написала мне за две недели до смерти. К несчастью, письмо было послано в контору на Фрит-стрит, где оказалось погребенным под кучей писем от читателей. В результате оно дошло до меня уже после смерти Эдвины и я не успел расспросить ее. А потом я уже не видел смысла разбираться и бросил письмо в огонь. Это было сумбурное письмо о ее младшей сестре Ханне. Насколько мне известно, лет двадцать назад она сбежала бог знает с кем. Во всяком случае, так считают в Лонгбери, впрочем, Эдвина не подтверждала и не отрицала этого. Я никогда не слышал, чтобы она говорила о Ханне, и никогда не расспрашивал. Я был слишком молод и слишком почтителен, чтобы лезть человеку в душу.

– Ты знал Ханну?

– Нет. Она была гувернанткой в Брайтоне и приезжала домой только на каникулы – на неделю-другую. Может, я и встречал ее, но не помню.

Он помолчал, ненадолго вернувшись мыслями в прошлое, затем продолжил:

– Эдвина написала, что скорее всего Ханну кто-то убил и что ее племянница Марион может опознать убийцу. Одно я знаю наверняка: Ханна была в гостях у Эдвины, когда Марион и ее мать тоже гостили там, и именно тотда Ханна исчезла.

Эш выглядел потрясенным.

– Не мог бы ты, – медленно проговорил он, – повторить это.

Брэнд повторил, снабдив свое объяснение подробностями.

– В своем письме Эдвина написала, что в тот вечер Ханна поссорилась с сестрами и ушла из коттеджа, поклявшись никогда не возвращаться. Нет, Эдвина не сказала, из-за чего произошла ссора.

Брэнд замолчал и глотнул бренди, приводя в порядок мысли.

– Насколько я знаю, Эдвина никогда не заявляла о пропаже сестры, значит, она считала, что Ханна сбежала, возможно, с каким-то мужчиной. Во всяком случае прошли годы, прежде чем Эдвина от кого-то услышала, что Марион бродила по окрестностям в ту ночь, когда Ханна исчезла. Она не написала, кто сказал ей об этом.

– Откуда они знают, что это была та самая ночь?

– Не знаю, но это так. Тот человек дал ей понять, что Ханна оказалась втянутой в какой-то обман и что Марион может быть свидетельницей. Коттедж Эдвины окружен лесом и расположен недалеко от Прайори с его многочисленными постройками и обширными землями. Если Ханну убили, места, где спрятать тело, было предостаточно.

– Ну и дела, однако. Двадцать лет верить, что твоя сестра сбежала, затем внезапно решить, что ее убили? Сдается мне, кому-то взбрело в голову так пошутить, а иначе почему бы не сказать об этом сразу после исчезновения Ханны?

– Эти же самые вопросы я задавал себе, читая письмо. Однако существует еще один фактор, который усиливает мой скептицизм. – Он отпил глоток бренди, затем продолжил: – Когда я был в Лонгбери на похоронах, до меня дошли кое-какие слухи. Последнее время Эдвина, похоже, была не в себе. Она стала забываться и путать прошлое с настоящим, все больше и больше впадая в детство. Понимаешь, о чем я думаю?

– Что у нее было старческое слабоумие. – Эш вздохнул. – Чего она хотела от тебя?

– Чтобы я навестил ее, она хотела поговорить со мной с глазу на глаз, – добавил он с оттенком горечи. – Но к тому времени, когда я получил письмо, было уже слишком поздно. Во всяком случае, я прочитал письмо уже после того, как услышал о ее слабоумии, поэтому не воспринял его всерьез и не стал разгадывать тайну двадцатилетней давности. Мне было известно, что Марион живет в Озерном крае. Я хотел написать ей, но боялся огорчить известием, что ее тетя к концу жизни повредилась умом. В общем, я ничего не предпринимал.

– До тех пор, пока леди Марион с сестрами не появились в Лондоне?

Брэнд кивнул, вытянув длинные ноги к весело потрескивающему огню, и поудобнее уселся в кресле.

– Я не хотел расстраивать или пугать Марион, рассказав о письме Эдвины. Зачем, если все это было плодом воображения старой женщины? Поэтому я просто познакомился с ней и попытался разговорить. – Он оторвал взгляд от пляшущих языков пламени в камине и взглянул на Эша. – Она ничего не знает. В сущности, она едва помнит Лонгбери. Она помнит тетю Эдвину и Ханну, но не помнит, что Ханна исчезла как раз тогда, когда она была там. Когда я спросил ее, где Ханна сейчас, она ответила, что Ханна умерла молодой.

Эш усмехнулся:

– Ты хочешь сказать, что сестры Ханны пытались скрыть ее позор, сочинив сказку про раннюю смерть? Держу пари, она убежала с женатым парнем, и родные никогда не простили ее за это. Типично!

Брэнд пожал плечами:

– Я считал, что исполнил свой долг перед Эдвиной и могу забыть об этом, но Марион столкнули с лестницы. А неделю назад ее ограбил какой-то разбойник в Воксхолл-Гарденз. О нет, Марион ничего не говорила мне об этом. Я узнал от Фебы.

– Совпадения, – фыркнул Эш, – с кем не бывает.

– Другие согласились бы с тобой, – отозвался Брэнд, – но я газетчик, у меня чутье на такие веши. Я думаю, все, что произошло с Марион, не случайно, вот только не знаю, имеет ли это отношение к Лонгбери.

По лицу Эша он видел, что тот складывает в уме кусочки и заполняет пробелы. Наконец Эш хмыкнул:

– Уверен, что ты рассказал мне не все. Либо леди Марион не призналась тебе, либо был и третий случай, о котором ты по какой-то причине не хочешь упоминать.

– Ты ошибаешься по обоим пунктам. – Брэнд допил бренди и поставил стакан. – Повторяю: я полагаюсь на свое чутье.

Брэнд вспомнил ее испуганный взгляд, когда он склонился над ней у подножия лестницы, и позже, в карете, когда на его вопрос у нее вырвалось: «Дэвид».

Он надеялся, что эти неприятности прибыли в Лондон из Озерного края, ибо если их источник Лонгбери, это значит, что ему следовало отнестись к письму Эдвины серьезно. Это значит, что он не должен был с такой готовностью воспринимать ее смерть как несчастный случай. Это значит, что Марион опасно ехать в Лонгбери.

– В любом случае, – в конце концов сказал он, – я решил сделать то, чего хотела от меня Эдвина: разгадать тайну исчезновения Ханны.

– По-твоему, это разумно? Ты можешь потревожить осиное гнездо.

– Я это прекрасно понимаю, но Марион бросить не могу.

Он поднял глаза и обнаружил, что Эш задумчиво разглядывает его.

– Я был прав! – провозгласил Эш. – Ты увлечен ею! Ты постоянно называешь ее Марион, а не леди Марион!

Когда Брэнд сердито взглянул на него, Эш ухмыльнулся:

– Ты играешь в опасную игру, друг мой.

Брэнд пристальным взглядом безуспешно попытался прогнать веселость из глаз Эша.

– Я чувствую ответственность за нее. Полушутя, полусерьезно Эш продолжил:

– О, именно так все и начинается. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как угодишь в ловушку для холостяка. Вспомни Джека.

Джек был их общим другом и когда-то убежденным холостяком, но теперь счастливо женился. Эш поднялся.

– Хочешь совет? Остерегайся миссис Милфорд. У белокурой Джулии, возможно, личико богини, но характер дьяволицы. Ей не понравится, что какая-то другая женщина вторглась на ее территорию.

– Я же сказал, – проворчал Брэнд, – что это она прекратила нашу связь.

– Думаешь, это имеет значение для такой женщины, как Джулия? Удивляюсь, как она до сих пор не набросилась на тебя с обнаженными клыками.

– Она в Париже.

– Тогда понятно. Вернется, как только услышит, что другая женщина удостоилась твоего расположения.

– Может, ты сядешь? – рявкнул Брэнд. – И прекрати свои шуточки! Я позвал тебя не для того, чтоб в игры играть. Ты мой друг, и мне нужна твоя помощь.

Эш посерьезнел. Он медленно опустился в кресло.

– Зачем тебе моя помощь?

– Разве я не ясно выразился? Не удивлюсь, если произойдет третий инцидент – ну, знаешь, одно из этих совпадений, которые могут случиться с каждым? Однако я не могу быть везде сразу. Я согласился выставить свою кандидатуру от нашей партии на предстоящих дополнительных выборах, следовательно, в ближайшее время буду плотно занят. К тому же надо подумать о газетах. Мне придется проинструктировать первого заместителя насчет дел в мое отсутствие.

– Сдается мне, – хмыкнул Эш, – слишком много удочек у тебя закинуто.

– Потому-то мне и нужна твоя помощь.

– Я слушаю.

Брэнд длинно, медленно выдохнул.

– Мне нужно, чтобы кто-то присматривал за Марион, по крайней мере пока она не устроится в Лонгбери. Сделаешь это?

Эш улыбнулся:

– С удовольствием, дружище, с удовольствием.

Проводив Эша, Брэнд вернулся в гостиную, где его слуга убирал со стола. Мэнли было за пятьдесят, когда-то он служил в кавалерийском полку. Незаменимый в отношении лошадей, он был уволен своим последним нанимателем за непокорность. Вернее, он был уволен несколькими нанимателями за непокорность. Не вызывало сомнений, что Мэнли не знает своего места, но ему посчастливилось найти такого хозяина, который восхищался именно этим качеством.

К сожалению, его таланты пропадали зря, потому что Брэнд не держал конюшню. Он не видел в этом необходимости, арендуя лошадей и коляску на платной конюшне на Пэлл-Мэлл. Что ж, пора порадовать старого слугу.

– Мэнли, – сказал Брэнд, – через одну-две недели мы едем в Лонгбери. У меня там конюшня пустует. Завтра мы с тобой поедем в Таттерсолл, чтобы присмотреть лошадей и сделать кое-какие покупки. Еще мне потребуются услуги кучера и помощника конюха. Я был бы признателен, если бы ты позаботился об этом. И, Мэнли, все только самое лучшее.

Лицо Мэнли осталось бесстрастным, только губы чуть заметно дернулись. – Думаю, я справлюсь, мистер Гамильтон.

– Хорошо. Ах да, и еще мне понадобится домашняя челядь.

– Предоставьте это мне, сэр.

Это подобострастное «сэр» ярче любых других слов сказало Брэнду, насколько доволен Мэнли тем, что в Лонгбери будет конюшня.

Брэнд с улыбкой отвернулся и заметил, что из шва кресла выглядывает набивка. Эти кресла когда-то принадлежали его дедушке. Эш сказал бы, что пора избавиться от них, что они себя изжили.

Брэнд развернулся.

– Мэнли, – сказал он, – я хочу, чтобы ты нашел драпировщика или декоратора. Надо обновить мебель. Но ничего не переставляй.

– Да, сэр, – ответил Мэнли.

– И поосторожнее с теми стаканами. – Стаканы тоже принадлежали его деду.

– Слушаюсь, сэр.

С вежливым «спокойной ночи» Брэнд вышел из комнаты.

Глава 3

Три дня спустя Марион сидела в ослепительном бальном зале Фанни, оркестр настраивал инструменты для следующего танца. Взгляд ее то и дело скользил к высокой, широкоплечей фигуре Брэнда Гамильтона. Он беседовал с кузеном Реджи, и она знала, что они обсуждают какой-нибудь спорный вопрос последнего билля. С недавних пор она, под стать Фебе, занималась подслушиванием, и, насколько могла судить, политическую позицию мистера Гамильтона можно было охарактеризовать как антимонархическую и антирелигиозную. Он был против всего, за что ратовал ее отец.

И тем не менее все говорили, что он далеко пойдет в политике, если решит избрать это поприще. Странно.

Ее размышления были прерваны, когда компаньонка леди Анны Босквелл наклонилась и прошептала:

– Оркестр собирается играть вальс. Было бы не совсем прилично для такой юной девушки, как леди Эмили, танцевать вальс.

– Спасибо за предупреждение, мисс Барни, – сердечно отозвалась Марион, хотя в душе испытывала раздражение. Мисс Барни считала себя арбитром хороших манер и всегда находила какой-нибудь изъян в поведении той или иной юной барышни. Но самое противное – это что мисс Барни всегда оказывалась права.

Марион встала и взяла трость. Казалось такой глупостью пользоваться тростью, когда всего лишь ушиблены пальцы. Она почти не чувствовала боли, пока не наступала на ногу, но от малейшего давления колено подгибалось, поэтому без трости было не обойтись.

Сделав шаг, Марион поморщилась. В любом случае она доберется до Эмили разве что к концу вальса. Но тут она увидела, что Брэнд Гамильтон лавирует среди пар, направляясь к Эмили и ее партнеру. Он кивнул Марион, показывая, что понимает ее затруднение и берет задачу на себя. Он с легкостью увел из танцевального круга смеющуюся, флиртующую Эмили, которая явно наслаждалась избытком мужского внимания. К Марион подошла Фанни.

– Вижу, вам обоим пришла в голову одна и та же мысль, – заметила она. – Слава Богу, Брэнд прекрасно знает правила приличия. Молодые незамужние девушки считаются легкомысленными, если танцуют вальс, еще не будучи представленными ко двору. Эти глупые правила – своеобразное испытание для нас.

Кузина Фанни, похоже, забыла, что Эмили никогда не будет представлена ко двору. Они не могут себе этого позволить.

Марион улыбнулась кузине, понимая, что та не столько выискивает недостатки, сколько сопереживает. Фанни приходилась двоюродной сестрой отцу и была гораздо старше Марион. У них с Реджи было два сына возраста Эмили, которые в настоящее время учились в университете. Самой же привлекательной чертой в глазах Марион было то, что Фанни испытывала глубокую привязанность к трем осиротевшим кузинам, которых не видела с рождения Фебы.

– Красив, правда? – сказала Фанни, наблюдавшая за Брэндом Гамильтоном.

Марион не стала притворяться:

– Может быть. Фанни рассмеялась:

– Вот уж в самом деле комплимент! Уверена, что очень многие из присутствующих дам думают так же, как и я. Будь я лет на десять помоложе, дала бы им сто очков вперед.

– Если бы ты выглядела еще моложе, – сказала Марион, – то дала бы сто очков вперед даже таким, как Эмили.

Она, конечно, преувеличивала, но фигура у Фанни действительно была крепкой и гибкой, кожа сияла здоровьем, а в темных локонах не было ни единого седого волоска.

– Смотри, – выдохнула Фанни. – Прибыл Эллиот Койн.

Марион послушно взглянула и увидела мужчину лет тридцати пяти, достаточно красивого, держащегося легко и непринужденно.

– Кто такой Эллиот Койн? – поинтересовалась она.

– Кандидат на предстоящие выборы, соперник Брэнда.

К нему почти тут же подошла высокая черноволосая девушка чуть за двадцать, одетая в воздушный, развевающийся муслин. Они представляли собой прекрасную пару.

– А это, – продолжала Фанни, – его невеста леди Вероника, наследница маркиза Хоува. Эллиот имеет основания гордиться ею. Из леди Вероники выйдет отличная жена для члена парламента.

– В самом деле? – Марион была заинтересована. – Откуда ты знаешь?

Фанни усмехнулась:

– У нее надлежащее происхождение и большие связи. Она станет для него настоящим благом. – Фанни поцокала языком. – Брэнду будет трудно с ним тягаться.

– Значит, это уже решено? Что он выставляет свою кандидатуру на выборы?

– Реджи рассчитывает на это. Не то чтобы нам не нравился Эллиот, но в нем нет напористости Брэнда. Я должна поприветствовать их.

С легкой улыбкой Фанни покинула Марион и обошла танцевальный круг. К новым гостям подошел и ее муж. Реджи Райт был светловолосым, и вблизи можно было заметить, что его волосы щедро посеребрены сединой. Марион он ужасно нравился. Как и Фанни, он был добросердечным и принимал живое участие в судьбе трех кузин жены.

Она не могла не испытывать легкой зависти. Реджи и Фанни выглядели довольными друг другом и своим окружением. Марион не сомневалась, что Реджи выбрал Фанни в жены не потому, что у нее было надлежащее происхождение или надлежащие связи, и не из-за того, что она могла способствовать его карьере. У них была такая любовь, о которой большинство пар могут только мечтать. А что же имеет она?

То, что хочет иметь, подумала Марион с оттенком вызова. Коттедж в Лонгбери и сестер, которых любит больше всего на свете, и ничего другого ей не нужно.

Хотя Марион и держалась ближе к вдовам, в стороне от танцевального круга, вниманием ее не обделяли. Лорд Денисон был все время рядом и знакомил ее с массой людей, чьи имена она тут же забывала. Ей нравился лорд Денисон и легкий флирт с ним, но ее не обманешь. Она понимала, что он ищет ее общества не по собственной инициативе, и подозревала, что это кузен Реджи попросил его об этом.

Мистер Гамильтон тоже не забывал ее, но он редко пропускал танец, ведь мужчина, имеющий виды на место в парламенте, не может позволить себе упустить любую малейшую возможность приобрести друзей или завоевать голоса.

Марион не могла дойти до столовой, но Эмили пообещала принести ей ужин. Эш Денисон собрался сопровождать ее, когда какая-то восхитительная красавица с рыжими волосами и в облегающем алом платье налетела на них, словно коршун. Бриллианты на шее прекрасной экзотической хищной птицы с глазами-буравчиками были великолепны.

Лорд Денисон вскочил на ноги:

– Джулия! Какой сюрприз!

Судя по голосу, он был потрясен, и Марион даже немного пожалела его: наверное, никто не хотел бы оказаться на его месте. В воздухе запахло ссорой любовников, и Марион стало ужасно весело. Потом она увидела, что эти глаза-буравчики направлены на нее, и автоматически потянулась за тростью.

– Марион, – сказал Денисон, – э… позвольте вам представить миссис Милфорд. Миссис Джулию Милфорд.

Марион не пыталась подняться, лишь слегка склонила голову в приветствии.

– Здравствуйте, миссис Милфорд, – сказала она. – Как видите, я немного нездорова, иначе приветствовала бы вас должным образом.

– О, ради Бога, не извиняйтесь. – Джулия Милфорд показала идеальный ряд жемчужных зубов. – Я слышала о том, что с вами случилось. – На ее лице отразилось легкое сочувствие. – Вы ушибли правую ногу, верно?

– Нет, левую.

И тут миссис Милфорд совершила немыслимое. Вполне намеренно она наступила на ушибленные пальцы Марион. Марион закричала бы, но боль была такой мучительной, что она могла только хватать ртом воздух. Слезы брызнули из глаз и потекли по щекам.

Эш схватил хищницу и оттащил в сторону.

– Ведите себя прилично, Джулия! – прорычал он, слегка встряхнув красавицу.

Он крепко взял ее за локоть и потащил к двери. Если б у Марион были силы, она бы догнала и огрела эту бесстыжую дуру тростью. Еще никогда она не была так зла.

Разумеется, понятно, что спровоцировало выходку миссис Милфорд. Женщина приревновала ее, и совершенно напрасно. Эш Денисон увлечен Марион не больше, чем она им. Но если б даже и так, что с того? Хищнице место в клетке.

Она только-только отдышалась, когда в поле зрения появился Брэнд Гамильтон с двумя тарелками еды. Неожиданная сцена, последовавшая за этим, заставила Марион позабыть о больных пальцах. Джулия Милфорд вырвалась из рук Эша и подскочила к Брэнду. У него хватило сообразительности отдать тарелки Эшу, прежде чем мегера залепила ему звонкую пощечину. Марион невольно поморщилась. Она оглядела бальный зал. Глаза всех присутствующих были прикованы к троице. Высоко вскинув голову, миссис Милфорд выплыла из бального зала. Брэнд Гамильтон забрал тарелки у друга и направился к Марион.

Теперь она поняла. Объектом ревности Джулии Милфорд был не Эш Денисон, а Брэнд Гамильтон. Очевидно, миссис Милфорд – брошенная любовница. И не менее очевидно, что она приняла Марион за свою соперницу.

Другие мысли завертелись в голове Марион: мужчина с амбициями Брэнда Гамильтона не станет связывать себя с такой мегерой, как Джулия Милфорд. Он выберет такую, которая будет достойна положения жены политика; такую, которую примет высшее общество.

Подойдя, Брэнд сказал:

– У вас опять этот взгляд. Она была холодна как лед.

– Какой взгляд?

– Который скрывает то, что вы на самом деле думаете. Вот, это для вас. – Он протянул ей тарелку. – Я сказал Эмили, что принесу вам ужин. Было жаль отрывать девушку от ее друзей.

Когда он сел рядом, Марион посмотрела на тарелку: тартинки с омарами, картофельные слойки, жареные овощи и тонкие ломтики ветчины и грудинки. У нее возникло дикое желание вывалить все это ему на колени.

– Я прошу прощения за сцену с миссис Милфорд. Что она вам сказала?

Его небрежное извинение еще больше разозлило Марион.

– Она наступила мне на ногу, – ответила она, подражая его небрежному тону.

– Ох! – вырвалось у него, однако на лице играла улыбка.

«Ох»? И это все, что он может сказать?

– Если б я знал, что она здесь, – продолжал он, – я бы не подпустил ее к вам. Я думал, она в Париже.

Марион прохладно улыбнулась:

– Теперь я понимаю. Избавившись от миссис Милфорд, вы имеете больше шансов получить поддержку на выборах.

Что-то промелькнуло в его глазах, не то раздражение, не то гнев, но быстро исчезло, и он холодно взглянул на нее:

– Что вы имеете в виду?

– Да будет вам, мистер Гамильтон, я же не наивная девочка. Не думаю, что темперамент такой женщины, как миссис Милфорд, принес бы пользу вашей карьере. С другой стороны, общество кого-нибудь вроде меня возвысит вас в глазах света.

– Вспомните, что это Джулия наступила вам на ногу, а не я, – сказал он. – Что до моего возвышения в глазах света, то каким образом это связано с женщинами?

– Ну, возьмите леди Веронику и мистера Койна. – Она попыталась придать голосу игривости. – Доверие к нему возросло с тех пор, как он обручился с ней, во всяком случае, так мне дали понять. А почему бы и нет? У нее отличное происхождение и связи. Впрочем, к несчастью для вас, леди Вероника уже занята.

Он повернул голову и взглянул на нее с любопытством:

– Марион, вы хотите сказать, что вы свободны? Это что, брачное предложение?

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Э… ну что ж, я рада, что одному из нас весело.

– Нет, нет, ваше предложение имеет свои плюсы. Вы действительно повысите мои шансы на выборах. Вы из хорошей семьи, леди до кончиков ногтей, умеете расположить к себе людей. С другой стороны, я богатый человек и не скупой. Вы и ваши сестры ни в чем не будете нуждаться. Но полагаю, вы уже подумали об этом.

– Вы прекрасно знаете, что я не делаю вам предложение, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Он не обратил внимания на ее протест.

– Я должен серьезно обдумать этот вопрос. Собственное оружие обернулось против нее. Поделом ей за то, что вздумала скрещивать шпаги с бывалым фехтовальщиком.

Веселость исчезла из его глаз, и он проговорил серьезно:

– Но вначале я хотел бы узнать о Дэвиде.

Ее желудок тревожно затрепыхался. Был только один способ удовлетворить любопытство такого человека – рассказать ту часть правды, которую она может рассказать.

– Дэвид, – спокойно ответила она, – был моим женихом, когда я была в возрасте Эмили. Он говорил, что не может без меня жить, но бросил у алтаря. Видите ли, он нашел новую любовь, без которой не мог жить.

– Мне очень жаль.

– Не стоит. Мое сердце не было разбито. Я пережила. После довольно продолжительного молчания Брэнд сказал:

– И тем не менее это его имя вы назвали, когда пришли в себя после падения.

Пульс скакнул. Ну почему Брэнд никак не оставит ее в покое?

– Да, – отозвалась Марион. – Сама не понимаю почему. – Она надеялась, что ее голос звучит убедительно. – Возможно, в глубине души я все еще немного люблю его.

Он наклонился к ней:

– Вы обманщица, Марион Дейн. Вы не страдаете от утерянной любви.

Она стиснула зубы.

– Откуда вы знаете?

Под ее озадаченным взглядом он забрал у нее тарелку, затем обнял Марион за талию и поцеловал. Подобного безрассудства от мужчины, чью бровь пересекает такой убедительный шрам, следовало ожидать.

Поцелуй оказался не таким, какого она ожидала. Он не заставлял ее подчиняться. Он умолял ее нежнейшим движением губ на губах.

Когда он отстранился, она растерянно заморгала. Его глаза улыбались.

– Нам обоим это не давало покоя, не так ли? Что ж, теперь мы знаем.

Он начал легко и непринужденно рассказывать об устройстве своей конюшни и последних приобретениях. В конце концов и она, поборов смущение, смогла вставить что-то членораздельное. Марион весь вечер чувствовала завуалированные взгляды, бросаемые в их сторону.

К тому времени, когда она отправилась в постель, дела шли хуже некуда. Все только и говорили о сцене, устроенной миссис Милфорд, и о поцелуе, который уже превратился в страстные объятия.

К ней в комнату влетела Эмили.

– Это правда, Марион? – Ее темные глаза плясали. – Ты помолвлена с мистером Гамильтоном? Все говорят об этом.

– Значит, всем надо проверить голову! – парировала Марион. А о Брэнде Гамильтоне вообще отказалась говорить.

Она лежала в темноте, с открытыми глазами, мысли кружились. Она не может позволить себе влюбиться в Брэнда Гамильтона.

Ей было знакомо предательство и сердечная боль, но она смогла оставить их в прошлом. Теперь она уже не юная девушка – она сильная и опытная женщина, имеющая на попечении двух сестер. В ее жизни нет места мужчине, тем паче такому, как Брэнд Гамильтон.

Марион выбросила из головы все мысли о Гамильтоне и сосредоточилась на неприятной, однако необходимой встрече, которую назначила на завтрашнее утро. Она отправится в книжный магазин Хэтчарда на Пиккадилли, а когда выйдет оттуда, Дэвид навсегда исчезнет из ее жизни. С этой счастливой мыслью она погрузилась в сон.

Наблюдатель под портиком церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер отступил в тень, когда последняя карета отъехала от дверей дома Реджинальда Райта. Бал закончился. Все гости разъехались по домам, а слуги закрывали на засовы окна и двери. Леди Марион Дейн, удалившаяся в свою комнату на ночь, недосягаема.

Но будут и другие возможности добраться до нее, если не в Лондоне, то по дороге в Лонгбери или в самом Лонгбери. Деревня – не город. Там она не всегда будет в окружении людей. Он не питал к ней ни ненависти, ни неприязни, но боялся того вреда, который она может причинить. Если она станет держать рот на замке, все будет хорошо. Однако для всех было бы лучше, если б она не возвращалась в Лонгбери.

Глава 4

Марион вошла в комнату и резко остановилась. Несколько дней минуло со дня того злополучного поцелуя, и вот сегодня впервые она встретилась лицом к лицу с мужчиной, позволившим себе подобную вольность. Мистер Гамильтон сидел за столом, склонив голову над одной из тетрадок Фебы. Он еще не видел Марион, и она едва не поддалась соблазну ретироваться. Это было ребячеством, и она быстро взяла себя в руки. Он друг Реджи. Она не может вечно избегать его.

Не поднимая головы и не поворачиваясь, он сказал: – Теперь уже поздно убегать, Марион. Я знаю, что вы здесь. – Он поднялся, глаза его светились веселостью.

Эта его веселость и не давала ей покоя. У него были самые выразительные глаза, которые она когда-либо видела. Один взгляд мог заставить ее вспыхнуть, или связать ей язык, или заставить скрипеть зубами. Он знал, как играть с ней, и она решительно настроилась не подыгрывать ему.

– Мистер Гамильтон, – проговорила она; присев в реверансе. – А где остальные?

Планировалось поехать в Ричмонд-парк на пикник. Это делалось в основном ради Фебы, чтобы она хоть чуть-чуть подышала свежим воздухом. Никто не сказал, что Гамильтон едете ними.

– Они уехали вперед, – ответил Брэнд. – А вы с Фебой едете со мной. Феба скажет нам, когда подадут карету.

– И Фанни не предупредила меня? – ахнула Марион.

До Ричмонда путь неблизкий, и мысль о том, что придется провести с Брэндом столько времени вместе, приводила ее в смятение. Кроме того, это лишь подольет масла в огонь сплетников. Фанни должна это понимать. Неужели она пытается свести их? С этим у нее ничего не выйдет.

– Фанни просто дипломатична, – пояснил Брэнд. – Она знает, что я должен принести извинения. Вы выслушаете меня?

Она заколебалась, и он положил руки на спинку соседнего стула.

– Почему бы вам не присесть, Марион?

Это был скорее приказ, чем предложение. Ее внимание снова привлек дуэльный шрам через левую бровь. Он напомнил ей о том, что следует быть осторожнее.

Она села на стул, а он прошел к окну. Он двигается как фехтовальщик, подумала Марион, изящно, рационально. Интересно, знает ли он, как эффектно выглядит в этом облегающем темном сюртуке и бежевых брюках?

Брэнд внезапно повернулся:

– Как ваши пальцы? Она отвела взгляд.

– Спасибо, лучше.

Он сел на стул рядом с ней.

– Фанни сказала мне, что вы ходили в магазин Хэтчарда на следующий день после бала. – Почему он заговорил об этом? – Нашли что-нибудь интересное?

– Нет. Я была недолго. Нога разболелась. Он кивнул и улыбнулся:

– Больше никаких неприятностей не произошло?

Он заговаривает обо всем, о чем она не хочет говорить. Что ему известно? Почему он такой любопытный?

– Абсолютно никаких. – Ее голос звучал твердо. – Мистер Гамильтон, я правильно расслышала? Вы говорили что-то насчет извинения?

Он небрежно пожал плечами.

– Я приближаюсь к этому. Поверьте, я совсем не хотел смутить вас. Прошу прощения, что поцеловал вас на виду у всех.

Извинение не ахти какое, но волшебные слова были произнесены, и Марион была рада покончить с этим. Она уже начала подниматься, когда он спросил:

– Почему вы не ударили меня?

Она снова села. Почему? Потому что была потрясена и заворожена. Она думала о том поцелуе днем и ночью. Его вкус все еще ощущался на губах; кончики пальцев до сих пор чувствовали железную крепость его мускулов. Его нежность, его страсть, его…

Марион сглотнула.

– Потому что вы застигли меня врасплох. Мне и в голову не могло прийти, что мужчина, имеющий виды на место в парламенте, будет вести себя столь безрассудно. Что подумают ваши коллеги?

Он озорно улыбнулся:

– О, они аплодируют. Они полагают, что я заявил свои права на графскую дочь, пока кто-нибудь не увел вас у меня из-под носа – ну, я же пытаюсь увеличить свои шансы на выборах. Другие, однако, считают, что я легко отделался. Большинство женщин потребовали бы предложения руки и сердца после такой публичной демонстрации чувств. Теперь он насмехается над ней.

– Мне нужно найти Фебу и посмотреть, тепло ли она одета.

Он некрепко схватил ее за запястье. На лице не осталось и следа веселости.

– Никто не винит вас за тот поцелуй, Марион. Все знают, что вы наивны и целомудренны. Вина на мне.

Ее голос был сух и холоден:

– Но вас оправдывает то, что вы – мужчина. Подумаешь, грехи молодости.

Брэнд расхохотался.

– Марион, невинный поцелуй на глазах у свидетелей едва ли можно назвать грехом молодости.

– Он не будет выглядеть таким уж невинным, если нас увидят вместе в вашей карете с одной лишь Фебой в качестве дуэньи.

Не успел он ответить, как дверь распахнулась и вошла Феба.

– Карета леди Бетьюн прибыла! – закричала она. – Марион, это открытая карета. Давай побыстрее! Может, мы еще догоним остальных.

Марион вопросительно взглянула на Брэнда:

– Леди Бетьюн?

– И бабушка Эша, – добавил он и предложил ей свою руку. – Джентльмену приходится заботиться о своей репутации. – С широкой улыбкой он вывел ее из комнаты.

Как и следовало ожидать, в карете Марион вела беседу только с женщинами. Она упорно избегала его взгляда. Он же не мог отвести от нее глаз.

За последнюю неделю он узнал о ней гораздо больше. Почувствовав, что на горизонте замаячило предложение о браке, Фанни была весьма откровенна всякий раз, когда он заговаривал о Марион. Эмили была любимым ребенком, поведала она ему, а когда Диана умерла, Марион заняла место матери. Нельзя сказать, что Диана была плохой матерью, но до замужества Диана Ганн работала платной компаньонкой, и Марион выносила на себе тяжесть материнской неуверенности. После того как отец Марион унаследовал титул и они переехали в Кесвик, Диана растила дочь в ужасной строгости, заставляя соблюдать все правила поведения. Спустя девять лет, когда родилась Эмили, Диане уже нечего было доказывать, и она предоставляла своим младшим дочерям ту свободу, которой никогда не было у Марион.

Насколько Брэнд понимал, беда Марион заключалась в том, что в свои двадцать семь она считала себя старой девой и все ее надежды и чаяния были сосредоточены на сестрах. В

некотором смысле они были даже похожи. И в нем, и в ней таилось нечто, что они не позволяли видеть другим.

Брэнд не был уверен, что поступил очень мудро, поцеловав ее. Но тем не менее он сделал это и пробился сквозь ее скорлупу, обнаружив хрупкость, которая потрясла его. В ней было столько самопожертвования и столько желания, столько невинности и столько страсти!

Что делало эту женщину такой непохожей на других? Что делало его таким безрассудным с ней рядом?

Он уже узнавал настроение Марион по тому, как менялось ее дыхание и опускались ресницы. Но лишь глядя в ее глаза, он мог сказать, что она чувствует.

Это он предложил поехать в Ричмонд, услышав от Фанни, что Марион почти не выходит из дома после того бала, отговариваясь тем, что неловко чувствует себя с тростью.

Неужели злые языки вынуждают ее сторониться людей? Ему было все равно, что сплетники болтают о нем, лишь бы ее оставили в покое. Она не должна прятаться, словно совершила что-то постыдное. Ей надо научиться не обращать внимания на клеветников. Интересно, зачем она ездила в магазин Хэтчарда? Она пробыла там всего несколько минут.

Размышления о магазине Хэтчарда и книгах навели его на одну мысль, и, когда в разговоре возникла пауза, он обратился к Фебе:

– Пока мы ждали прибытия кареты, я заглянул в одну из твоих тетрадей. На обложке написано: «Семейная история», но там ничего нет, кроме родословного дерева.

– Это потому, – объяснила Феба, – что про мою семью почти нечего писать. Мы такие скучные.

Леди Бетьюн рассмеялась:

– Благодари за это судьбу. Родословная моей семьи, к примеру, изобилует пиратами и авантюристами. Мы избегаем упоминать о них в высшем свете.

– Правда? – просияла Феба. – Как здорово! Папа был единственным мужчиной в нашей семье, и хотя я очень его люблю, нет ни одной истории, которую я могла бы написать о нем.

– Хотела бы я сказать то же самое о своем внуке, – вставила бабушка Эша Денисона, и все рассмеялись.

– На твоем месте, – продолжала леди Бетьюн, – я бы поостереглась копаться в семейной истории. Никогда не знаешь, на какую тайну наткнешься. Любой семье есть что скрывать.

Леди Бетьюн, подумал Брэнд, облекла его мысли в слова, но вряд ли они остановят Фебу. Как раз наоборот.

– Я уверена, – подала голос Марион, – что у Лонгбери интересная история, Феба. Возможно, ты могла бы ее написать.

Брэнд погрузился в раздумья. Немного поразмыслив, он отбросил мысль, что Феба может подвергать себя опасности, описывая историю семьи. Она же не знает, что спрашивать, да и Марион наверняка не позволит своей младшей сестре досаждать людям вопросами.

Это Марион рискует, возвращаясь в Лонгбери, если такой риск вообще существует. Он все еще не пришел к определенному мнению на этот счет.

Солнце светило ярко, легкий ветерок был пропитан запахом травы и деревьев; воздух наполняло веселье. Марион прекрасно проводила время. Никто не бросал на нее косых взглядов, и Брэнд вел себя как безупречный джентльмен, в одинаковой степени уделяя внимание всем присутствующим. Эш Денисон приехал в двухколесном экипаже и катал в нем всех дам. Феба была в восторге, и хотя невозможно было уговорить ее сесть верхом на лошадь, она с удовольствием гладила животных и кормила их морковкой.

Эмили тоже была в своей стихии. Эш Денисон, душа общества, сделал ее объектом своего внимания – головокружительное переживание для восемнадцатилетней девушки. Марион не обращала внимания на этот легкий флирт. Их визит к кузине Фанни подходил к концу. Через несколько дней они отправятся в Лонгбери. Эмили осталось недолго развлекаться.

Марион наблюдала за Брэндом из-под полуопущенных ресниц. Она позволила ему подобраться к ней слишком близко, вернее, он сумел пробиться сквозь ее защитный слой. Он понятия не имеет, что она совсем не та, на ком он мог бы жениться.

Ее взгляд попал в ловушку его пристального взгляда, и, оставив Фанни, Брэнд направился к ней. Марион отругала себя за неосторожность. Витая в облаках, она сидела на скамейке одна, вместо того чтобы держаться поближе к двум грозным дуэньям, которые бродили бог знает где.

Он сел рядом.

– Я пришел попрощаться. Это должно положить конец сплетням. Тем более что за все это время мы не обменялись и парой слов. Когда люди увидят, что я уезжаю, то подумают, что между нами все кончено.

– Вы возвращаетесь в Лондон?

Он указал на грума, который держал под уздцы двух лошадей:

– Верхом. С остальными я уже попрощался. А завтра я уезжаю в Брайтон, так что, вероятно, мы увидимся не скоро.

Марион знала, что поездка в Брайтон связана с выборами, но его слова расстроили ее. Она не рассчитывала на такое быстрое расставание.

Брэнд встал и склонился над ее рукой.

– Марион, – мягко проговорил он, – если вы будете так на меня смотреть, я могу не устоять перед соблазном снова поцеловать вас.

Она вырвала свою руку и поспешно отвела глаза.

– Счастливого пути, мистер Гамильтон.

Он засмеялся и пошел прочь. Она смотрела ему вслед, пока они с грумом не скрылись за деревьями.

Назначенный день отъезда, казалось, не хотел наступать. Сильный ветер, бушевавший всю ночь, не разогнал туч. Дождь лил не переставая, и пришлось зажечь свечи, чтобы рассеять мрак.

Такой день, по мнению Фанни, не годился для путешествия.

– Только подумай, – сказала она, – что будет, если реки выйдут из берегов. Лонгбери может оказаться отрезанным, и тогда вам придется торчать на каком-то захудалом постоялом дворе среди неотесанных грубиянов. Я считаю, вам надо остаться, пока погода не наладится.

Они упаковывали сундуки в спальне Марион. Нога больше не болела, и, разговаривая, Марион быстро сновала по комнате, собирая книги и всякие мелочи.

– Я же из Озерного края. Если бы я боялась какого-то дождя, то вообще бы никуда не ездила. А когда мы устроимся, вы должны навестить нас. Лонгбери не так далеко. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделала наше пребывание здесь таким незабываемым. Лонгбери покажется очень скучным после Лондона.

– Тогда зачем торопиться с отъездом? Сезон еще не закончился. Надо только чуть-чуть потерпеть, и, возможно, результат удивит тебя. Ты, должно быть, знаешь, – сказала Фанни, – что я думаю о тебе и мистере Гамильтоне. Нет. Не перебивай меня. Я набралась смелости и намерена поговорить с тобой так, словно ты моя дочь. – Она тяжко вздохнула, затем быстро продолжила: – Ты ведь убегаешь не из-за Джулии Милфорд? Реджи сказал мне, что этот роман окончен. Марион, разве ты не знаешь, что нет на свете такого мужчины, который не сожалел бы о некоторых моментах своего прошлого?

В глазах Марион заискрилось веселье.

– Если мужчина сожалеет о миссис Милфорд, то он, должно быть, глупец. Нет, послушай меня, Фанни. Я знаю, что ты думаешь, но ты ошибаешься. Мистер Гамильтон не собирается жениться на мне. Он поддерживает дружеские отношения с нашей семьей лишь потому, что был близким другом моей тети.

– Но он же поцеловал тебя!

– Это не имеет никакого значения. Он баллотируется в парламент. Он будет у всех на виду. А меня ты знаешь. Я предпочитаю тихую жизнь. В кругу газетчиков и политиков я буду словно рыба, выброшенная из воды.

– Не скромничай! Ты была бы для него одним из главных козырей на выборах.

Разговор был прерван Эмили, позвавшей их из холла:

– Марион, поторопись. Почтовая карета ждет нас, и форейторы теряют терпение.

– Иду, – отозвалась Марион и поспешила вниз по лестнице.

Реджи ждал их внизу. Он вопросительно взглянул на жену.

Фанни покачала головой:

– Не могу убедить ее остаться. В Озерном крае они привыкли к такой погоде.

– Остаться?! – в смятении воскликнула Феба. – Ты же обещала, что мы поедем в Лонгбери сегодня, Марион!

Марион критически оглядела младшую сестру. Та была одета не так тепло, как хотелось бы Марион, но она просто сказала:

– Я не передумала, но где твой дорожный плед?

– Я положила его в карету, – сказала Эмили.

– Не забывайте, – напомнил Реджи, – что на пути много хороших почтовых станций. Не колеблясь, прерывайте свое путешествие, если погода ухудшится. Лонгбери никуда не денется.

Фанни и Реджи попрощались с сестрами Дейн, и карета тронулась в путь.

– Почему ты так расстроилась? – спросил Реджи, когда они вернулись в дом.

– Я думала р Брэнде, – печально ответила Фанни, – надеялась… ну, что они с Марион поженятся. Но если он будет жить в Лондоне, а Марион – в Лонгбери, ничего не выйдет.

Реджи обнял жену за плечи.

– Брэнд не вернется в Лондон, по крайней мере не сейчас. Он устраивает свою штаб-квартиру в Лонгбери, в доме, оставленном ему его дедом. Ведь наш избирательный округ находится там.

Потрясенная Фанни резко остановилась:

– Не думаю, что Марион знает об этом. Реджи улыбнулся:

– Скоро узнает.

Марион протерла запотевшее окно кареты. Дождь лил не переставая, до Лонгбери предстоял еще далекий путь, а все почтовые станции, которые они проезжали, были переполнены людьми, желающими получить ночлег. На последней станции им сказали, что мест нет. Если и на следующей не будет, возможно, придется умолять какого-нибудь крестьянина пустить их на ночлег.

Эта мысль напомнила Марион мамины слова, которые она говорила отцу во время их прошлой поездки в Лонгбери: «Если наследующей станции нас не возьмут, Пенн, придется просить какого-нибудь доброго человека пустить нас на ночлег».

Пенн – прозвище отца, сокращенно от титула – Пенрит. На самом деле его звали Джордж, но никто не называл его так, даже мама.

Марион покачала головой. Должно быть, память подводит ее. В Лонгбери она ездила только с мамой. Отец не ладил с тетей Эдвиной. Откуда же тогда взялось это воспоминание?

Она ничего не придумывала, она помнила это. Они ехали в карете, она сидела у папы на коленях и держала на руках Фебу. «Поспи, маленький эльф», – сказал папа, но она никак не засыпала. Она ощущала натянутость в отношениях родителей и чувствовала, что никто из них не хочет навещать тетю Эдвину.

– Марион?

Она подняла глаза и увидела, что Эмили смотрит на нее.

– Что такое?

– Я только что вспомнила, кто такой Дэвид. Ты ведь когда-то была помолвлена с Дэвидом, верно?

– Да, – непринужденно ответила Марион, – была, пока он не узнал, что мое приданое слишком невелико для того, чтобы содержать его в роскоши, на которую он рассчитывал.

Эмили на мгновение заколебалась, затем решительно продолжила:

– Значит, ты из-за него так и не вышла замуж? Ты все еще любишь его?

Марион была изумлена.

– Кто, скажи на милость, внушил тебе эту мысль? Эмили пожала плечами.

– Именно его имя ты назвала, когда пришла в себя после обморока.

– Я не падала в обморок! У меня просто закружилась голова, вот и все.

– Ты не ответила на мой вопрос. Марион поцокала языком.

– Нет. Я не люблю Дэвида Керра.

– А как насчет мистера Гамильтона? Он ведь поцеловал тебя.

Марион готова была вскипеть.

– Он поцеловал меня по-дружески. Тут нет ничего такого. Клянусь, я ни в кого не влюблена.

На губах Эмили заиграла улыбка.

– Я тебе верю, но сомневаюсь, что поверят сплетники. Поговаривают, что он дал от ворот поворот миссис Милфорд, потому что она со своими выходками стала для него обузой, но ты, графская дочь, можешь стать предметом его гордости.

– А мне нравится мистер Гамильтон, – высказала свое мнение Феба.

Сестры рассмеялись. Потом поболтали о том о сем. Ресницы Эмили опустились, и она в конце концов задремала.

Марион смотрела в окно, предаваясь размышлениям.

«Ты графская дочь и можешь стать предметом его гордости». Увы, только она одна знала, насколько далеко это от истины.

Глава 5

Марион резко проснулась, когда почтовую карету сильно тряхнуло и она накренилась на один бок. Книги, журналы и мелкие вещи попадали на пол. Марион подхватила Фебу, чтобы та не соскользнула со скамьи. Проснувшись, Феба стала вырываться, но потом притихла.

Форейторы пытались отвязать испуганных лошадей. Сердце Марион заколотилось.

– Выходим! – сказала она Эмили. – Ты первая, я подам тебе Фебу.

– Там такой дождь, – запротестовала Эмили.

– А ты предпочитаешь утонуть? Вылезай, я сказала!

Глаза Эмили расширились от испуга, когда вода хлынула в карету. Выбраться оказалось нелегко. Единственная дверца, которая открывалась, находилась под таким углом, что пришлось толкать ее плечом.

– Скорее! – крикнула Эмили, принимая Фебу и протягивая руку Марион. – Колесо сломано, и карета того и гляди перевернется.

Вода быстро поднималась. Марион ощущала тяжесть юбок, жадно впитывающих воду.

– Я сама справлюсь, – прокричала она. – Позаботься о Фебе. Отведи ее в безопасное место.

Эмили убрала руку, и Марион встала на скамью. Несмотря на свои заверения, вряд ли она могла выбраться без посторонней помощи.

– Отойдите! – послышался поблизости мужской голос. Она узнала этот голос. Карета опасно покачнулась, и в следующее мгновение показалось лицо Эша Денисона. Марион была так потрясена, что только молча уставилась на него.

– Дайте мне вашу руку! – скомандовал он.

– Что вы здесь делаете?

– Проверял все почтовые станции на дороге в надежде отыскать вас целыми и невредимыми. У последней мы разминулись буквально в несколько минут. Они сказали мне, что забиты под завязку и что вы поехали дальше.

– Вы что… преследовали нашу карету?

– Давайте оставим объяснения на потом, хорошо? Дайте мне вашу руку, леди Марион.

Она не собиралась уходить без своей сумочки. На этот раз не будет никаких записок с угрозами. В карете было темно, но она знала, где лежит сумочка. Там, на скамейке.

– Быстрее! – приказал он. – Пока нас обоих не смыло. Марион схватила свой ридикюль, испуганно вскрикнула, когда карета покачнулась, и ухватилась за его руку.

Они стояли высоко на боку кареты, а вода с каждой секундой поднималась все выше и выше. А может, это карета тонула. Марион испуганно ахнула и прижала к себе сумочку.

– Осторожнее! – крикнула она.

Беспечно рассмеявшись, Эш спрыгнул в бурлящую воду. Теперь Марион поняла, что произошло. Они находились на середине брода, который проливной дождь превратил в стремительный поток. Колеса почтовой кареты, должно быть, ударились о подводный камень, и она перевернулась.

Еще не добравшись до берега, лорд Денисон начал раздавать приказы слугам и форейторам. Марион узнала Мэнли, слугу Брэнда Гамильтона. Он помог Фебе сесть в карету Эша.

Марион хотела горячо поблагодарить лорда Денисона, да только он не дал ей и рта раскрыть.

– Идемте, леди Марион, – сказал он, – вы дрожите от холода. Давайте доставим вас к теплому огню и горячему ужину, а потом я отвечу на все ваши вопросы.

Она надеялась, что он ответит на все вопросы в карете, но лорд Денисон предпочел ехать с Мэнли на козлах. Странно, подумала она. Почему Мэнли не с Брэндом Гамильтоном?

И почему она так подозрительна, когда должна благодарить свою счастливую звезду, что они оказались поблизости?

На следующей станции лорд Денисон воспользовался именем Брэнда Гамильтона, и это возымело волшебное действие. По словам Эша, Брэнд Гамильтон был известной личностью в этих краях, потому что собирал голоса за местного кандидата на последних выборах. И хотя им предоставили лишь маленькую комнатку в мансарде, Марион была рада. Другим приходилось устраиваться на ночь в трапезной или на любой свободной скамейке, которую удавалось найти.

Лорд Денисон коротко поговорил с ней, прежде чем удалиться. Он наткнулся на них не случайно.

– Я знал, – сказал он, – что сегодня вы должны были отправиться в Лонгбери, а поскольку сам туда еду, подумал, что мы могли бы сделать это вместе. Я разминулся с вами на Ганновер-сквер на каких-то несколько минут и здорово встревожился, когда погода ухудшилась. Но все хорошо, что хорошо кончается.

– Вы едете в Лонгбери? – спросила Марион.

– Чтобы помочь приготовить дом Брэнда. Он присоединится ко мне через пару дней, и Лонгбери будет его базой, по крайней мере до конца выборов.

Марион как можно тщательнее скрыла свой испуг. Она не испытывала неприязни к Брэнду Гамильтону. Она просто хотела бы, чтобы его избирательный округ находился на другом краю Англии.

Денисон оставил сестер в вестибюле на попечении Мэнли.

Мэнли вел себя, по мнению Марион, как старая, испытанная пастушья собака с кучкой отбившихся от стада овец.

Он отвел их наверх, в комнату и ворчливо предупредил, чтобы никуда не ходили, он распорядится, чтобы им принесли обед.

Как только дверь за ним закрылась, Феба воскликнула:

– Мне нравится мистер Мэнли, а вам? Старшие сестры рассмеялись.

Улыбаясь, они оглядели свою комнату. Она была маленькой, с низким потолком, крошечным чердачным окошком и большой кроватью, занимавшей почти все пространство. Но главное, в камине весело потрескивал огонь и было так тепло, что они сняли верхнюю одежду и встали перед огнем, чтобы просушить мокрые юбки. Это было лучшее, что они могли сделать, пока не прибыли их сундуки.

Вскоре служанка принесла обед: горячий пирог с бараниной, клецки, молодой картофель и морковь. Может, потому что обед был отличный, а может, из-за того, что было тепло и уютно, но настроение Марион постепенно повышалось. Эмили высказала мнение, что лорд Денисон поступил очень благородно, и Марион вынуждена была согласиться.

Вернулась служанка, чтобы забрать посуду и приготовить раскладушку для Фебы. Марион стала искать свою сумочку, чтобы отблагодарить служанку за хлопоты.

На кровати среди накидок и шалей сумочки не было, на комоде тоже. Марион постояла, пытаясь сообразить, где могла оставить сумочку. В карете лорда Денисона!

Резко повернувшись к служанке, она натянуто поинтересовалась:

– Лорд Денисон уже прибыл?

Резкий вопрос, казалось, напугал служанку.

– Точно не знаю, миледи. Мистер Пул, хозяин, должен знать.

Марион понимала, что ведет себя неразумно, что ей следует попросить служанку отыскать Мэнли, но ею вдруг овладело ужасное беспокойство. Она должна срочно найти сумочку. Никто, кроме нее, не должен к ней прикасаться.

Марион схватила с кровати свою накидку.

– Я оставила в карете сумочку, – сказала она. – Пойду заберу ее.

Она приказала сестрам никуда не выходить из комнаты и захлопнула дверь.

Мэнли нигде не было, и среди множества карет во дворе она не могла отыскать карету Эша, поэтому Марион подошла к конторке и спросила, прибыл ли лорд Денисон. Хозяин гостиницы направил ее в комнаты для грумов и форейторов.

– Мне пришлось переселить оттуда двух грумов лорда Леннокса, чтобы разместить лорда Денисона, – сказал он, – но там не место для леди. Почему бы вам не вернуться в свою комнату, а я, как только будет свободная минутка, пошлю кого-нибудь за лордом Денисоном?

У нее не было времени ждать, тем более что перед конторкой толпилось множество людей, требующих внимания владельца. Услышав, что свободных комнат нет и им придется ночевать в каретах, они готовы были наброситься на него с кулаками.

По обрывкам разговоров Марион узнала, что дорогу на Брайтон размыло и что путешественникам приходилось делать крюк в несколько миль, чтобы найти ночлег. Марион не было до этого дела. Все, что ей нужно, – это ее ридикюль.

Один из конюхов показал ей дверь в комнату лорда Денисона. По выражению его лица она видела, что он крайне удивлен появлением леди в этом сугубо мужском месте. Она поблагодарила конюха и стала взбираться по каменным ступенькам на узкий балкон, выходящий во двор.

Она была уже почти у двери, когда кто-то внутри назвал ее имя, не лорд Денисон, а кто-то другой. Брэнд Гамильтон. Без раздумий она прижалась спиной к стене. Маленькое окно было открыто, и лорд Денисон стоял возле него, выпуская наружу струи табачного дыма.

– Я удивлен, – сказал он, – что ты счел необходимым оторваться от своих срочных дел и примчаться сюда, ведь мой посланец наверняка сказал тебе, что все под контролем.

– Я встретил твоего человека на перекрестке. К счастью, он узнал меня, а то я мог бы и не найти вас.

Очередное облачко дыма выплыло через открытое окно.

– Это был несчастный случай, ни больше ни меньше.

Послышался плеск воды, и Марион представила Гамильтона возле умывальника, смывающего дорожную грязь с лица и рук.

– Возможно, ты и прав, – ответил Брэнд, – но я знаю, что она боится кого-то.

После непродолжительной паузы лорд Денисон заметил:

– Это не связано с Лонгбери, иначе она бы туда не ехала.

– Точно. Я думаю, она бежит от бывшего ухажера, но не уверен. Подай мне полотенце.

Разрази гром этого человека! Откуда он мог узнать? Очевидно, та же мысль пришла и в голову Денисона.

– Откуда ты знаешь? Не про ухажера, а про то, что она его боится? Не трудись отвечать. Это твой нюх газетчика. И полагаю, этот нюх не успокоится, пока не выяснит все до конца.

Ничто, за исключением угрозы неминуемого обнаружения, не могло бы сдвинуть ее с места. Навострив уши, она придвинулась поближе к окну.

– Если придется, я бы предпочел, чтобы она сама пришла ко мне и рассказала, что ее тревожит.

– С чего бы это вдруг?

В голосе Гамильтона слышалась улыбка.

– С того, что она начинает доверять мне.

Марион стиснула зубы. Если б она была мужчиной, то сию минуту схватила бы его за горло.

– В глазах света ты практически помолвлен с девушкой, – сказал Денисон. – Должен ли я напоминать тебе о сцене с Джулией Милфорд на балу у Фанни, не говоря уже о последовавшем поцелуе? Если ты и дальше будешь продолжать уделять леди Марион такое явное внимание, все начнут гадать, когда же свадьба.

– Пускай себе гадают, – последовал короткий ответ.

– А как же леди Марион? – раздраженно парировал Эш. – Разве она не заслуживает того, чтобы знать твои планы?

Вот он, момент истины, подумала Марион, и ее руки сжались в кулаки.

– Эш, – сказал Брэнд, – не мог бы ты курить эту чертову сигару снаружи? Я уже задыхаюсь от дыма.

Марион про себя чертыхнулась. Оставаться здесь дальше невозможно. Подхватив юбки, она ретировалась, держась в тени. Пульс колотился как бешеный, а негодование граничило с тревогой. Он газетчик и считает, что это дает ему право копаться в чужих тайнах. Или, может, он хочет убедиться, что леди, которую он берет в жены, не имеет в прошлом секретов, которые могут бросить на него тень, когда он станет премьер-министром? Премьер-министром? Ха! Она начинает рассуждать как Феба. Единственным утешением было то, что Дэвид ничего ему не расскажет, она хорошо заплатила за молчание.

Она столкнулась нос к носу с Мэнли в вестибюле гостиницы и не удивилась, когда он оскалился.

– Я везде вас ищу, – сказал он.

– А я везде ищу свою сумочку. Мэнли полез в карман.

– Вы оставили ее в карете, – проворчал он и протянул ей ридикюль.

Она чуть ли не выхватила сумочку из его рук, но все было в порядке. Никакой записки с угрозами. Марион ослепительно улыбнулась:

– Теперь можете отчитывать меня, сколько пожелаете, мистер Мэнли.

Она развернулась и побежала вверх по лестнице.

Брэнд тихо поднялся, чтобы не потревожить Эша, накинул пальто и вышел на балкон подышать свежим воздухом. Хотя в окнах гостиницы еще горел свет, на дворе было тихо. Кареты уже перестали подъезжать. Форейторы принесли новости, что не только Брайтон отрезан поднявшейся водой, но и дорогу на Лонгбери тоже смыло.

Он не мог уснуть. В голове было полно вопросов. Отчаянно хотелось действовать, а он торчал здесь, в этой глуши.

Он осмотрел колесо кареты Марион и убедился, что оно не было испорчено специально. Просто ударилось о подводный камень. Его теория, что Марион является мишенью, начинала казаться смехотворной. Или кто-то хочет, чтобы он так думал?

Дэвид Керр. Брэнд узнал это имя от Фанни. Почему Марион не хочет говорить с ним о Дэвиде?

По крайней мере сейчас он знает, что с ней все в порядке. Но он же не может бросить все и всякий раз бегать искать ее, как это было сегодня. А кто в этом виноват? Ни одна здравомыслящая женщина не отправится в дорогу в такую погоду. Ей еще повезло, что Эш оказался рядом.

Его рот скривился в улыбке, которая была ироничной и в то же время веселой. Брэнд Гамильтон, незаконнорожденный сын герцога, и леди Марион Дейн, высокородная дочь графа? Он прекрасно сознавал, что их взаимное влечение пугает ее не меньше, чем его самого. Она думает, он хочет жениться на ней, чтобы способствовать осуществлению своих политических амбиций, что женитьба на аристократке добавит ему влиятельности. Все совсем наоборот. Он не испытывал к аристократии ничего, кроме презрения.

Марион была исключением. О, она могла вести себя как великосветская дама, когда это было нужно, ее холодные серые глаза обращались в лед. Но это лишь способ защиты, чтобы держать его на расстоянии. Когда же она чувствовала себя в безопасности, например, в окружении своих сестер и кузенов, в ней не было ни капли высокомерия. Узнавать Марион – все равно что раскрывать розовый бутон: осторожно, по одному лепестку, стараясь не наткнуться на шипы.

Его улыбка сникла. Это не игра. Ему следует удовлетвориться тем, что Марион вне опасности. У него и без того полно дел. Он знает эту местность как свои пять пальцев.

Наводнение не помеха: к рассвету он может быть в Лонгбери.

Эш и Мэнли пока присмотрят за Марион.

С этой мыслью он вернулся в комнату и разбудил Эша.

Наблюдатель тихо выругался. У леди Марион телохранителей прямо как у принцессы. Сейчас ему до нее не добраться. Записка, которую он должен был сунуть в ее сумочку, прожигала дыру в кармане.

Он знал, что ее карета в конце концов сломается, потому что лично позаботился об этом. Но он не предусмотрел, что лорд Денисон доберется до нее первым.

Было ясно, что Брэнд Гамильтон, лично заинтересованный в леди Марион, поручил своему другу Денисону сопровождать ее. Вопрос в том, подозревает ли что-то Гамильтон или же действует так, как действовал бы любой поклонник.

Пока что дела складываются не блестяще. Придется на время затаиться.

Холодная испарина выступила у него на лбу. Озноб пробрал до костей. Его пугала мысль о Брэнде Гамильтоне.

Совсем не хочется оказаться лицом к лицу с этим джентльменом. Он пошел на риск в театре, но пока не готов рисковать снова.

Свежая лошадь была оседлана и ждала его в конюшне. Он взобрался в седло, надвинул шляпу пониже и поскакал, возвращаясь туда, откуда приехал.

Глава 6

Лонгбери был маленьким базарным городком, уютно примостившимся в долине Саут-Даунс, и процветал благодаря торговле шерстью. В прежние времена здесь располагался монастырь бенедиктинцев, но все, что осталось от монахов, – это Прайори, ныне величественное местообитание Фицаланов, выдающейся семьи края. Семьи Брэнда.

Дом располагался на вершине холма, и хотя Брэнд скакал несколько часов подряд под нескончаемым дождем и глаза слипались от усталости, крыша Прайори, четко вырисовывающаяся на горизонте, невольно притягивала его взгляд. Дом его дедушки, Грейндж, располагался на противоположной стороне дороги, спускающейся к реке. В прежние времена Грейндж служил амбаром, фермерским домом и жилищем священника, но потом богатый купец перестроил его для своей семьи. Когда благосостояние семьи пошло на убыль, большая часть земли была распродана, а главный дом и хозяйственные постройки переходили от одного владельца к другому до тех пор, пока их не приобрели Гамильтоны. Грейндж представлял собой непритязательное двухэтажное кирпичное здание, вполне подходящее спартанское жилище для его деда-пуританина.

Рядом с домом находилась небольшая конюшня, которую дедушка использовал разве что в качестве укрытия для лошади и коляски.

Хотя еще только начинало светать, конюхи, нанятые Мэнли, уже вовсю трудились, и Брэнд был рад передать своего коня их заботам. Затем он вошел в дом, сбросил мокрую накидку в прихожей и поднялся по лестнице в спальню.

Он уснул прямо в одежде, а когда проснулся, в окно светило солнышко, дождь прекратился.

Брэнд отметил, что камин разожжен, подошел к сонетке и как следует подергал, вызывая слугу. Несколько секунд спустя к нему в спальню вошел светловолосый мальчик.

– Как тебя зовут? – спросил Брэнд.

– Сэм, – ответил мальчик. – Сэм Ладлоу.

Брэнд очень хорошо помнил мать Сэма. Она была Эдвининой кухаркой. Именно она обнаружила тело Эдвины. Возможно, она знает что-нибудь и сможет ответить на его вопросы.

– Мне бы ванну принять, – сказал Брэнд, – как думаешь, это возможно?

Сэм улыбнулся:

– Мама говорила, что вы захотите принять ванну, поэтому, когда мы пришли, первым делом развела огонь под баком для воды.

– Великолепно, – отозвался Брэнд, потирая руки. Меньше чем через час, помывшись и переодевшись, Брэнд вошел на кухню, чувствуя себя другим человеком.

– Вам придется поесть на кухне, сэр, – сказала миссис Ладлоу, накладывая на тарелку омлет. – Я не разводила огонь в других комнатах.

– Ну и отлично, – заверил ее Брэнд. – И не нужно разводить. Я все время буду в разъездах.

Он подождал, пока она нальет кофе, а потом пригласил присоединиться к завтраку.

– Чтобы поговорить о ваших обязанностях, – объяснил Брэнд.

Миссис Ладлоу улыбнулась и покачала головой:

– Я только помогаю, пока не приехали ваши люди. Видите ли, у меня уже есть работа. Я буду работать у леди Марион.

– А-а, я должен был догадаться. Ну все равно берите стул и составьте мне компанию.

Миссис Ладлоу посмотрела на него так, словно он рехнулся. Слуги не составляют компанию своим хозяевам! Он улыбнулся ей своей самой располагающей улыбкой.

– Я никогда не говорил вам, как высоко Эдвина ценила все, что вы для нее делали? Она неустанно хвалила вас. – И это была правда.

Миссис Ладлоу заколебалась, затем села на стул и сложила загрубевшие руки на коленях. Ее кельтское происхождение проявлялось в темном цвете волос и глаз и тонкой кости. Очевидно, внешностью мальчик пошел в отца.

Потом Брэнд вспомнил, что она вдова. Были у нее и другие дети, младше Сэма, за которыми присматривала бабушка, пока миссис Ладлоу работала, чтобы прокормить их всех.

Она выжидающе смотрела на него.

Он мягко поинтересовался:

– Сколько вы работали у мисс Ганн?

– Недолго. Пять лет, с тех пор как овдовела и перевезла сюда мать. – Тень улыбки тронула ее губы. – Мисс Ганн всегда помнила дни рождения детей.

– Это похоже на Эдвину. Миссис Ладлоу кивнула:

– Она всегда была такой доброй, такой щедрой. Брэнд помолчал немного, жуя холодную баранину.

– Я слышал, – продолжил он осторожно, – что в последнее время с ней было нелегко ладить. Я имею в виду, что она стала забывчивой и подозрительной. – Он замолчал, когда увидел, что миссис Ладлоу не понравились его слова.

Когда она заговорила, в ее голосе не было ни мягкости, ни уважительности:

– А вы никогда не забываете, куда положили свои очки или ключи, мистер Гамильтон? Всегда помните, как кого зовут? Она была не забывчивее любого другого, но… – Женщина закусила губу, словно запоздало вспомнила, с кем разговаривает.

– Но? – подбодрил ее Брэнд тем же мягким тоном. Миссис Ладлоу выдохнула.

– Она тревожилась о прошлом, о своей сестре Ханне. Хотела узнать, что с ней произошло.

– Все считают, что она сбежала с мужчиной.

– Мисс Ганн говорила, что это ложь и что она намерена это доказать.

– Кто сказал ей, что это ложь?

– Она не говорила, а я не настаивала. Это ведь не мое дело, не так ли? Она была моей хозяйкой.

– А что, по мнению мисс Ганн, случилось с Ханной? Ее глаза метнулись к двери, словно в надежде, что кто-нибудь войдет и положит конец расспросам.

– Она не сказала, – в конце концов ответила его собеседница.

Брэнд не узнал ничего нового, за исключением того, что миссис Ладлоу не верила, что Эдвина страдала забывчивостью или слабоумием! Конечно, она могла просто защищать хозяйку, которая хорошо к ней относилась, но Брэнд так не думал. Ее негодование казалось абсолютно искренним.

Он сделал глоток кофе, прежде чем осторожно продолжить:

– Вы не выдали никаких тайн, миссис Ладлоу. Эдвина рассказывала мне обо всем этом в одном из своих писем. И я бы сказал, она показалась мне такой же нормальной, как и мы с вами.

– Она писала вам? Брэнд кивнул.

– Когда это было?

– За несколько недель до несчастного случая. Меня не было в городе, и письмо я получил только после похорон. А почему вы спрашиваете?

– Когда я нашла мисс Ганн возле лестницы, ее пальцы были в чернилах, но ни я, ни констебль не нашли никакого письма.

Вот это уже было кое-что новое, первое указание на нечто необычное.

– Еще только один вопрос, – сказал Брэнд. Когда женщина взглянула на него с беспокойством, он заколебался. Ему не хотелось пугать ее. Хотелось завоевать доверие, чтобы она рассказала обо всем, что знала. У него еще будет возможность поговорить с ней. Круто изменив направление, он спросил: – Как вы делаете омлет таким воздушным?

* * *

Поднимаясь вверх по склону холма к дому, Брэнд не мог не размышлять над иронией судьбы. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно, то ушел из Прайори, поклявшись никогда не возвращаться. Но все вышло иначе. Даже после смерти отец умудрился сделать так, что последнее слово осталось за ним. Согласно герцогскому завещанию Брэнд стал единственным опекуном своих сводных брата и сестры. Все ожидали, что он откажется от опекунства и передаст его своему дяде, лорду Роберту, но Брэнд не мог этого сделать. У Роберта не было ни желания, ни возможности управлять делами Эндрю, зато у Брэнда они были, и он намеревался сделать своего сводного брата достойным великого имения.

Когда дворецкий Хартли открыл парадную дверь и впустил его в большой зал, у Брэнда возникло ощущение, будто время повернуло вспять. Мальчиком он думал, что Хартли лет восемьдесят. Дворецкий нисколько не изменился. Как, впрочем, и большой зал. Те же бесценные гобелены на стенах, тот же рыцарь в доспехах верхом на боевом коне.

– Вы хорошо выглядите, сэр, – заметил Хартли со слабой улыбкой и сообщил, что дамы завтракают в утренней комнате.

– Только дамы? – спросил Брэнд. Хартли кивнул.

– Лорд Роберт и леди Теодора гостят у друзей в Виндзоре. У них есть кобыла, на которую ее милость положила глаз.

Это похоже на Теодору. Лошади и охота были любовью ее жизни. У нее не было детей, а с мужем они жили плохо. Лорд Роберт, возможно, и сопровождал жену в Виндзор, но там каждый жил своей жизнью.

– А его милость? – спросил Брэнд, имея в виду Эндрю. От улыбки кожа на худом лице Хартли собралась в складки.

– О, молодой герцог с управляющим на ферме.

Это было именно то, что Брэнд хотел услышать. Богатство Фицаланов зависело от сельских угодий и ферм. Крайне важно, чтобы молодой герцог был сведущ во всех аспектах управления имением. С помощью мистера Терренса, управляющего имением, лично подобранного Брэндом, образование Эндрю началось.

– Не нужно меня объявлять, – сказал он Хартли и прошел через большой зал в западное крыло.

Войдя в утреннюю комнату, Брэнд остановился и окинул ее быстрым взглядом. Вдовствующая герцогиня, его бабушка, сидела во главе стола, величественная, как всегда, одетая по моде прошлого века. По правую руку от бабушки сидела ее давняя неизменная компаньонка мисс Каттер, которую он про себя окрестил Попрыгунчиком из-за привычки перескакивать с одной темы на другую и оставлять после себя полнейшее смятение. У буфета расположилась его сводная сестра Клэрис, молодая женщина под тридцать, красивая, с сильными чертами Фицаланов и грозными черными бровями.

Эта устрашающая грозность была характерна для всех Фицаланов, включая и его самого, поэтому, когда Фицаланы затевали сражение, те, кто поумнее, спешили в укрытие.

Бабушка заметила его первая.

– Ну, – сказала она, – не стой там как лакей. Входи, входи!

Брэнд послушно подошел к бабушке и поцеловал ее в пергаментную щеку.

– Ваша милость, – пробормотал он с уважением, приправленным иронией.

– Ты с каждым днем становишься все больше похожим на отца, – заметила бабушка.

Их глаза встретились. Его изумляло, что теперь он искренне обожает эту воистину грозную даму, которая в юности выводила его из себя. Очевидно, возраст смягчил его.

– Туше, – пробормотал Брэнд, и бабушка слегка усмехнулась.

– Итак, – подала голос Клэрис, – блудный сын вернулся. Чем мы обязаны такой честью?

– И тебе доброе утро, Клэрис, – любезно отозвался он и поздоровался с мисс Каттер.

Мисс Каттер, обеспокоенная невежливым тоном Клэрис, вмешалась:

– Какой же он блудный сын, леди Клэрис? Брэнд уехал из Прайори и нажил состояние, как этот милый мистер Льюис, занявший место Сойера. Он, конечно, не местный, но говорят…

Бабушка взяла ситуацию в свои руки.

– Лотти, – решительно сказала она, – пожалуйста, позвони в колокольчик, чтобы Хартли принес свежего чаю.

– В чайнике еще есть чай, – ответила мисс Каттер.

– Да, не стоит тревожить Хартли, – отозвался Брэнд. Бабушка кивнула. Ее взгляд обратился к Брэнду.

– Итак, мы слышали, ты решил заняться политикой? Сядь и расскажи мне об этом.

У ее светлости, как он знал, имелись свои способы выяснения происходящего, поэтому он как можно более сжато поведал ей о своих планах. Это вызвало лишь умеренный интерес, до тех пор пока он не упомянул, что открыл дедушкин дом и собирается поселиться там до окончания выборов.

Бабушка слышала, что дом открывается, но не знала, что Брэнд намерен жить там столь продолжительное время.

– А чем тебе не подходит Прайори? – спросила она, вперив в него свой пристальный взгляд.

Помешивая чай, Брэнд воспользовался моментом, чтобы привести мысли в порядок. Он не хотел жить в Прайори, потому что ему нравилось быть хозяином в своем доме, а здесь хозяев и без него хватает.

– Я бы не хотел доставлять вам неудобства, мэм, – ответил он. – Ко мне будут постоянно приходить люди, причем и в неурочные часы. Я буду принимать не гостей, а коллег.

– Ой, Бога ради, – прервала его Клэрис, – избавь нас от своих отговорок. Ты никогда не считал Прайори своим домом, а нас – своей семьей. Почему отец сделал тебя попечителем наших капиталов – выше моего понимания.

– Хватит, Клэрис, – велела герцогиня грозным голосом.

Брэнд взглянул на Клэрис и почувствовал раздражение, но не на свою сводную сестру, а на отца. Герцог отдал ее капитал в руки опекуна. Они с мужем могли тратить доход с капитала, но сам капитал был отложен для следующих поколений. Она не могла поносить герцога, поэтому сделала объектом своих нападок опекуна.

Его зять обладал более добродушным нравом. Освальд воображал себя антропологом, что означало, что он обожал копаться в развалинах и древних курганах в поисках артефактов минувших веков. Деньги не имели для него значения, и он, живя в палатке, был бы точно так же счастлив, как и в роскошном доме своей жены. Брэнду очень нравился Освальд.

– Я не просил назначать меня вашим опекуном, – мягко сказал он, – но раз уж так случилось, тебе стоит только сказать, и, я уверен, смогу найти сумму, чтобы удовлетворить разумную просьбу.

– А кто ты такой, чтобы судить, что разумно, а что нет? – сверкая глазами, возмутилась Клэрис. – Это так оскорбительно для Освальда. О, я знаю, что вы все о нем думаете, но вы сильно ошибаетесь. – Нотка триумфа закралась в ее голос. – Возможно, вам будет интересно узнать, что он сейчас в Лондоне, ведет переговоры о продаже одного из своих манускриптов. Он надеется выручить за него крупную сумму.

– Не знала, что поэзия так хорошо оплачивается, – сказала вдова.

– Это история, жизнь Ганнибала! – тут же парировала внучка.

– Премилая, я уверена. – Мисс Каттер, вечная примирительница, поспешила сгладить острые углы. Она расплылась в улыбке. – Убеждена, что дело не в деньгах, а в чувстве удовлетворения. Сколько людей могут написать книгу?

Брэнд осторожно помешал чай, затем поставил чашку на блюдце.

– Я думаю… – начала Клэрис, затем тряхнула головой. – Невыносимо! – возмутилась она и выскочила из комнаты.

После небольшой паузы бабушка вздохнула.

– Она скучает по Освальду. Поскорее бы уж он приехал домой. Все это весьма утомительно для всех нас. Тем не менее кое в чем она права. Эндрю получит контроль над своим капиталом, когда ему исполнится двадцать один. Клэрис двадцать семь, и она всегда будет просителем.

Терпение Брэнда истощилось.

– Послушайте, – сказал он, – Клэрис не нищая. Денег у нее больше чем достаточно. Загвоздка в Освальде. Он не хочет жить на деньги жены.

– Меня всегда восхищали мужчины с принципами, – тепло проговорила мисс Каттер. – И любовь…

Когда герцогиня вскинула руку, мисс Каттер послушно замолчала.

– Если бы у него были принципы, – заявила она непререкаемым тоном, – он бы не женился на Клэрис. И не говори мне о любви. Она погубила нашу семью. – Ее орлиный взор остановился на Брэнде. – И это подводит меня к леди Марион Дейн. Правда то, что говорят? Ты помолвлен с этой девушкой?

Вопрос не удивил. У бабушки повсюду были шпионы.

– Нет, – прямо ответил он, – неправда. Я познакомился с ней в Лондоне, где она гостила у наших общих друзей. Поскольку она племянница Эдвины, я счел своим долгом по меньшей мере показать ей и ее сестрам достопримечательности Лондона, тем более что они переезжают в Лонгбери, в Тисовый коттедж, и будут нашими соседями.

– Эдвина Ганн! – раздраженно бросила вдова. Бабушка никогда не одобряла и не понимала его тесной дружбы с бывшей учительницей, а он никогда и не пытался объяснить. Эдвина обожала его, словно родная мать. Подобные понятия были чужды герцогине. Она была против того, чтобы баловать детей.

Прежде чем разговор потек в другом направлении, Брэнд небрежно заметил:

– У Эдвины была ведь еще одна сестра, да? Ханна? Марион спрашивала меня о ней, – приврал он, – но я совсем ее не помню. А вы знали Ханну, бабушка?

– Не слишком хорошо, – ответила вдова. – Она была гувернанткой, верно?

– Я ее помню, – сказала мисс Каттер, – она, бывало, гуляла со своей собачкой в нашем парке. – Она наморщила лоб. – Я слышала, Ханна была своевольной девушкой и доставляла мисс Ганн массу хлопот.

– В каком смысле?

Мисс Каттер тупо взглянула на него.

– Не помню.

Брэнд сдержал вздох. Бесполезно приставать к мисс Каттер.

– А что случилось с Ханной? – осторожно поинтересовался он. – Где она сейчас?

– Полагаю, – сказала бабушка, – она где-то нашла себе другое место. Вероятно, вышла замуж и имеет целый выводок детишек.

– Нет, – возразила мисс Каттер. – Она сбежала. Помню, я слышала, что она сбежала с мужчиной. О Боже! – Лицо мисс Каттер сморщилось. – Или это была Мэри Стритхэм? Это случилось так давно. Я опять все путаю?

– Нет, – твердо заверила ее герцогиня. – Чем старше мы становимся, тем больше моментов забываем, вот и все. Итак, о чем это мы говорили до прихода Брэнда? Ах да. Ты собиралась

поговорить с кухаркой и сказать ей, что к ленчу будет только трое, если… – Она вопросительно взглянула на Брэнда.

– Спасибо, но у меня дела в Грейндже, – сказал он. – Но я как-нибудь непременно воспользуюсь вашим приглашением.

– Тебе не нужно приглашение, – парировала бабушка, а затем добавила с самодовольной улыбкой: – Но обязательно пригласи леди Марион и ее сестер. Я бы хотела познакомиться с ними. Иди же, Лотти. Не забудь, к ленчу только трое.

Мисс Каттер извинилась и вышла из комнаты.

Как только дверь за ней закрылась, улыбка сползла с лица герцогини. Она помолчала немного, затем печально проговорила:

– Старость не радость. Все увядает: внешность, здоровье, аппетит. Но самое страшное – мы выживаем из ума.

Эта маленькая речь застала Брэнда врасплох. Он еще никогда не видел свою бабушку такой уязвимой. «Железнобокая» – называли они ее, когда были детьми. Все боялись герцогиню как огня, за исключением преданной и любящей компаньонки.

– Мне говорили, – сказал он наконец, – что у Эдвины тоже начиналось помутнение рассудка.

Все следы уязвимости исчезли, и выражение бабушкиного лица стало таким же решительным и умным, как всегда.

– Чушь! – заявила она. – После церковной службы мы часто с ней разговаривали, и она оставалась такой же заядлой спорщицей. Ты уже не в первый раз спрашиваешь меня о душевном состоянии мисс Ганн. Я говорила тебе на похоронах и повторяю снова: она была такой же острой на язык и эксцентричной, как всегда. Что происходит, Брэнд?

– Ничего, – мягко ответил он, – совсем ничего. Она ткнула в него пальцем.

– И не вздумай утомлять Лотти вопросами, на которые она не может ответить. Это только еще больше путает ее.

– И в мыслях не было.

Брэнд провел приятный вечер в таверне «Пес и лис». Когда рабочий день заканчивался, именно там собиралось большинство местных жителей, чтобы обменяться новостями и встретиться с соседями, прежде чем идти домой к женам и детям. И мировой судья, и констебль были там, и Брэнд смог расспросить их о смерти мисс Ганн, но они не видели ничего подозрительного в том, что пальцы Эдвины были в чернилах. Она могла по какой-нибудь причине бросить письмо в огонь. Они слышали, что Эдвина странно вела себя перед несчастным случаем, но ничего конкретного ни один, ни другой сказать не могли. Имя Ханны не вызвало почти никакой реакции. У обоих имелись лишь весьма смутные воспоминания о ней.

Поминки после церковной службы проходили в доме викария, и именно там Брэнд впервые услышал о том, что Эдвина была не в себе. Она стала нелюдимой, мало общалась с соседями. Она продолжала посещать церковную службу, но не задерживалась, чтобы поговорить с друзьями и знакомыми.

Все это он услышал от викария, поэтому, вполне естественно, поверил, а другие еще и приукрасили историю подробностями, так у него сложилось впечатление, что у Эдвины начиналось слабоумие.

Вот тогда-то ему и следовало обговорить этот вопрос с миссис Ладлоу, но она была в слезах, да и дело не казалось срочным.

Если кто и должен был знать, что у Эдвины с головой непорядок, так это миссис Ладлоу. Он верил ей как никому. Не то чтобы Брэнд считал викария лжецом, просто тот описывал состояние Эдвины как встревоженность. Конечно, Эдвина встревожилась, когда услышала, что Ханна-, возможно, была убита.

Тогда кто распустил слухи и зачем? Может, это была чья-то намеренная попытка поставить под сомнение все, что Эдвина могла сказать о той ночи, когда исчезла Ханна? Во всяком случае, на него слухи оказали именно такое воздействие.

Это вновь навело его на мысль о бабушке. Такое впечатление, что она могла бы рассказать ему больше о Ханне Ганн, если б захотела. Что она от него скрывает?

Образ Ханны, складывающийся у него в голове, был полон противоречий: младшая из сестер, гувернантка, своевольная девушка, доставляла беспокойство Эдвине и восхищала Марион. Все в Лонгбери считали, что она сбежала с мужчиной, или это очередной слух, чтобы сбить всех со следа?

Тогда где она?

Когда Брэнд задул свечу и забрался в кровать, его мысли вновь вернулись к Эдвине и тому, скольким он ей обязан. Для маленького, растерянного мальчика, который оказался между двух враждующих сторон – отцом и дедом, ее уютный коттедж был спасительной гаванью. Все, чего Эдвина попросила взамен, – это разгадать тайну исчезновения Ханны.

– Я найду ее, Эдвина, клянусь, – проговорил он в тишину.

Глава 7

Вода сошла через два дня, и Марион с сестрами выехали в Лонгбери в сопровождении лорда Денисона. Отказаться Марион не могла. В его распоряжении была хорошо оборудованная карета – Брэнда Гамильтона, как выяснилось. Он упомянул о позднем визите Брэнда и его отъезде ранним утром как о чем-то неважном, связанном с выборами, и Марион не осмелилась это оспаривать. Не могла же она сказать, что шпионила за ними.

Они прибыли в деревню поздним утром. Солнце ярко светило, в воздухе пахло яблоневым цветом, и все притихли, выглядывая в окна в ожидании, когда покажется дом.

Карета свернула на небольшой двор.

– Тисовый коттедж! Какой милый! – воскликнула Феба. – И не такой уж маленький.

Сестры согласились с ней. Это было двухэтажное кирпичное здание с эркерами в пристроенных крыльях. Вьющиеся растения в изобилии оплетали стены, цепляясь за шпалеры. В Марион шевельнулись воспоминания. Спальня Ханны располагалась на первом этаже, за гостиной. Они называли ее «людской», хотя слуги уже давно не жили там. Когда умерли бабушка и дедушка, сестры Ганн научились экономии, так же как и она со своими сестрами после смерти родителей.

На передней двери было дверное кольцо в виде львиной головы, вспомнила Марион. Ребенком она была зачарована этим кольцом и дотрагивалась до него с благоговением.

Когда Эмили и Феба направились к двери, Марион повернулась, чтобы перемолвиться словом с лордом Денисоном. Она искренне поблагодарила его не только за сопровождение, но и за предоставленную карету.

– Ну, – сказал Денисон, – у вас будет возможность поблагодарить за карету мистера Гамильтона лично. Уверен, он здесь, в Грейндже. Услышав, что вы приехали, он непременно навестит вас при первой же возможности.

У Марион не было времени подумать о последнем замечании лорда Денисона. Дверь коттеджа открыла темноволосая женщина, которая представилась как миссис Ладлоу. Марион очень понравилась миссис Ладлоу. Она была спокойной, дружелюбной и аккуратной и содержала дом в безукоризненной чистоте.

Марион была удивлена, как много помнит в доме: каменный камин в гостиной, прочную дубовую мебель, бархатные портьеры. Она почувствовала, что улыбается. Планировка дома постепенно всплывала в памяти. Марион вспомнила сад и цветочные клумбы, виднеющиеся из окон второго этажа, а за ними, чуть дальше, Прайори, где когда-то жили монахи. Но ее мысли резко оборвались, когда они подошли к обшитой дубовыми панелями лестнице.

– Это здесь?.. – спросила Эмили. Миссис Ладлоу кивнула.

– Да, это я нашла ее, – сказала она и шмыгнула носом. Когда Эмили тоже зашмыгала, Марион решительно проговорила:

– Мы позже поговорим о тете Эдвине, когда распакуем вещи. Она хотела, чтобы мы счастливо жили в ее доме. Просто помните об этом.

Позже, пока сестры распаковывали вещи, Марион спустилась вниз, в комнату Ханны. Здесь было длинное подъемное окно, которое выходило в огород и впускало много солнечного света – симпатичная девичья комната, отделанная муслином и набивным ситцем.

Прикасаясь к вещам Ханны, Марион вспомнила: взрослые ссорились здесь. Ханна что-то кричала, потом выскочила из дома.

Из-за чего они ссорились?

Эмили позвала Марион, и воспоминания померкли.

Во второй половине дня сестры решили передохнуть и выпить чаю в гостиной. Они смеялись и шутили, когда миссис Ладлоу сообщила, что прибыли гости.

– Леди Клэрис Бригден, – объявила миссис Ладлоу, – и мисс Флора, – и отступила в сторону, впуская посетителей.

Марион увидела черноволосую, модно одетую молодую женщину, выше среднего роста, с энергичным лицом, смягчаемым улыбкой, и голубыми глазами, светящимися озорством. Именно это озорство показалось знакомым. Она знала леди Клэрис раньше.

Обрывки воспоминаний. Секретные слова и секретные знаки. Охота на привидения и ночные вылазки.

Неужели эти воспоминания реальны?

Марион перевела взгляд на девочку. Мисс Флора была длинноногой, зеленоглазой, застенчивой девчушкой лет десяти, с шапкой огненно-рыжих кудрей.

После обмена традиционными книксенами Марион пригласила гостей сесть.

Леди Клэрис игнорировала приглашение. Смеясь и широко раскинув руки, она приблизилась к Марион:

– Ты меня не помнишь, да, Марион? Неужели забыла все наши бурные приключения?

Марион рассмеялась:

– Приключения я забыла, но тебя – нет. Ты ведь Клэрис Фицалан, верно?

– А, ну да, это моя девичья фамилия. Теперь я Клэрис Бригден. А это Флора, племянница Теодоры. Флора приехала на каникулы. – Она помолчала, всматриваясь в лицо Марион. – Ты помнишь Теодору? Она замужем за моим дядей Робертом. Ну, Роберта-то ты помнишь?

Марион не помнила, но на всякий случай слабо кивнула и быстро представила своих сестер. Она распорядилась принести освежающие напитки, и Клэрис вернулась к разговору:

– Им всем не терпится увидеть вас, Фицаланам, я имею в виду, особенно бабушке. Как только она услышала твое имя в связи с именем Брэнда, тут же заинтересовалась, но Брэнд ничего ей не рассказал. Вообще-то мы все сгораем от любопытства. Это правда, Марион? Вы с Брэндом тайно помолвлены?

Испытывая скорее замешательство, чем раздражение, Марион поинтересовалась:

– Ты имеешь в виду Брэнда Гамильтона?

На лице Клэрис отразилось такое же замешательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.